

Храм иконы Божией Матери
«Знамение» в Ховрине

ЛАМПАДА

ЖУРНАЛ ДЛЯ ТЕХ, КТО СТРЕМИТСЯ К ИСТИНЕ

№ 3 (102) 2015
май — июнь

Тема номера:
**«... НЕ ДЕСЯТЬ ЛИ ОЧИСТИЛИСЬ?
ГДЕ ЖЕ ДЕВЯТЬ?» (Лк. 17:17)**

- Солдат Отчизны и воин Христов
- Тридцать лет в образе святого
- Дед Лермонтова не убивал себя

СО Д Е Р Ж А Н И Е

«... НЕ ДЕСЯТЬ ЛИ ОЧИСТИЛИСЬ? ГДЕ ЖЕ ДЕВЯТЬ?» (ЛК. 17:17)

Псалом 148	3
<i>Иерей Максим Казаков – Павел Демидов</i>	
Все, что внутри и вокруг нас, – творение Господа. Ценим ли мы это?	4
<i>Борис Корчевников – Павел Демидов</i>	
Формулы жизни Бориса Корчевникова	7
<i>Лариса Беляева</i>	
Анкета «Лампады». Скажите, пожалуйста...	12
<u>ЦЕРКОВЬ ЗЕМНАЯ</u>	
<i>Ким Смирнов</i>	
Мне снится Нерль	14
<i>Дмитрий Шеваров</i>	
Стал иноком в четырнадцать лет	18
<i>Павел Демидов</i>	
Сдавали Патриарху фильм...	19
<i>Архивариус</i>	
Романтик с душой христианина	20
<i>Владимир Ряполов</i>	
Виден отовсюду	22

ЦЕРКОВЬ НЕБЕСНАЯ

<i>Георгий Пономарев – Наталия Лосева</i>	
Хотя бы чуть приблизиться...	23
Страдание как смысл и подвиг	24
<u>СТРАНА СЛОВ</u>	
<i>Валентин Курбатов</i>	
Господь договорит и обнимет	27
<i>Дмитрий Шеваров</i>	
Тень проходящего Петра	27

СТРАНА КРАСОК

<i>Алексей Исаев</i>	
Акварель в полутонах белого	31

МИР ВОКРУГ НАС

<i>Елена Литвяк</i>	
У каждого была своя война	35
<i>Татьяна Кольян</i>	
Был ли дед великого поэта самоубийцей?	37
<i>Александр Варанутин</i>	
Сильнее смерти! В.П. Астафьев на московской сцене	39

**Храм иконы
Божией Матери «Знамение»
в Ховрине
lampada-press.ru**

Настоятель
протоиерей Георгий Полозов

Главный редактор
Павел Демидов

Елена Трубецкая (подписка,
распространение, реклама)

Верстка Иветты Бухаровой

Корректор Нина Орлова

Обложка: храм Покрова Божией
Матери на Нерли

Адрес редакции:
125414, г. Москва,
ул. Фестивальная, 77а

Телефоны: (495) 453-9101
+7 (963) 962-55-75

www.znamenie-hovrino.ru

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-49478 от 24.04.2012 г.
Выход в свет 15.05.2015
Цена свободная

**Издается на добровольные
пожертвования**

Приход храма иконы Божией
Матери «Знамение» в Ховрине,
г. Москва

Тверское ОСБ 7982/1653 г. Москвы
Сбербанк России г. Москвы
ИНН 7712050269
р/с 40703810938080100250
БИК 044525225
к/с 30101810400000000225
КПП 774301001

Отпечатано
в ООО «Тверской Печатный Двор»,
170518, г. Тверь, с. Никольское, 26

Контактные телефоны:
+7 (921) 186-87-97
+7 (919) 058-92-20

Тираж 800 экз. Заказ № 2149-15
© Лампада, 2015

Псалом 148

Восхваляйте Господа на Невесах, восхваляйте Его в обителях Невесных!

Восхваляйте Его, Ангелы Его; восхваляйте Его, воинство Его!

Восхваляйте Его, Солнце и Луна! Восхваляйте Его, звезды и свет!

Восхваляйте Его, высочайшие небеса и вода, что превыше небес!

Да восхвалят имя Господне! Ибо Он сказал, и возникло все; Он повелел, и создано.

Утвердил Он сотворенное Им навеки; повеление дал, и незыблемо оно.

Восхваляйте Господа на земле, змен и все бездны, Огонь, град, снег, лед, ветер бурный, творящие волю Его,

Горы и холмы, деревья плодоносные и кедры,

Звери и скот, гады и птицы пернатые,

Цари земные и все народы, князья и все судьи земные, Юноши и девы, старцы и отроки!

Да восхвалят имя Господне, и возвеличится имя Его, Единого; прославят Его на земле и на Невесах.

И вознесет Он народ Свой. Да воспоют эту песнь праведники Его, сыны Израилевы, народ, преданный Ему!

Все, что вокруг и внутри нас, – творение Господа. Ценим ли мы это?

Склириком храма святителя Николая и настоятелем строящегося храма во имя благоверного князя Александра Невского (оба в Зеленограде) иереем Максимом Казаковым беседует главный редактор «Лампады» Павел Демидов.

– Тема этого номера – прямая цитата из Евангелия от Луки (17:17): «...не десять ли очистились? где же девять?». То есть речь идет о благодарности человека Богу. Но о благодарности в более широком смысле, чем «Господи, спасибо Тебе за то, что освободил меня от болезни». Ведь и Сам Христос имеет в виду не просто конкретную проказу и не просто избавление от нее. Разве не так?

– Священное Писание настолько всеохватно и многогранно, настолько глубоко, что трактовать его каким-то одним определенным образом – значит обеднять его как инструмент спасения.

– Не знаю, прав я или нет, но суть благодарения Господа, мне кажется, не в облечении его в вербальную форму, то есть не в произнесении слов.

– А в чем же?

– Благодарить Господа надо своими делами, жизнью по Его заповедям, иначе – в послушании Ему.

– Кто бы возражал! Но такой подход как единственно верный таит опасность, о которой я только что сказал. Священное Писание – куда более универсальный инструмент спасения. Если подходить к вопросу о благодарности... как бы сказать?... глобально... ваша формулировка, конечно, не вызывает возражений. Это, действительно, исполнение Его заповедей, совершение того, что Он хотел от нас, что завещал нам. Да, наша благодарность Ему – это наш ответ нашей жизнью. Но есть и другой вид благодарности, кстати, вовсе не противоречащий первому, но существующий равноправно и параллельно с ним. И к тому же более привычный и близкий нашему бытовому восприятию. Я как священник всегда радуюсь, когда человек приходит и просто говорит: «Я хочу сказать Богу спасибо». Принести, как говорили прежде, благодарение. За что? Кому-то Господь помог в болезни, кому-то – разрешить с родственниками запутанную ситуацию. Рука Божия явно легла на какого-то человека, и он хочет поблагодарить за это.

– Но человек, вероятно, молился Богу, просил Его о помощи, и Тот отозвался.

– Не обязательно. Есть люди и среди верующих, кто далеко не всегда обращается с просьбами к Господу. Одни – по маловерию, другие стесняются обременять Его частыми просьбами, у Него, мол, и без меня забот хватает, а кто-то просто не обладает культурой общения с Богом.

– Культурой общения? Как это понимать?

– Бытует довольно устойчивое представление, что Господь – это своего рода красный свет на пути ко греху.

– А разве не так?

– Конечно же, так! Но случайно ли мы называем Его Спасителем? Он нас любит. Всех. И потому все управляет к нашему благу. Иными словами – спасает.

– Даже если мы не просим?

– Не дерзну отвечать за Него. Но знаю точно: если просим – Он непременно отзовется.

– Но почему тогда так много нестроений и в целом на земле, и в жизни каждого?

– Видимо, плохо просим и плохо благодарим.

– А чем плохое благодарение отличается от хорошего?

– Наверное, тем же, чем позолота от золота. Это вопрос внутреннего содержания. Внешне одно мало чем отличается от другого. Вроде бы надо просто прийти к батюшке и сказать: «Я хочу поблагодарить Бога». И мы тогда, действительно, служим благодарственный молебен. С участием того, или тех, кто его заказывал.

– А иначе слово к Богу не дойдет?

– К Богу дойдет любое слово. И праведное, и хульное. Потому так внимательно следует относиться к произносимому. Как сказано в Евангелии, «...от слов своих оправдаешься, и от слов своих осудишься» (Мф. 12:37).

– Но мне все же хотелось бы поговорить больше не о словах, а о делах. О том, что благодарность должна зримо выражаться в поведении, если хотите – в образе жизни.

– Я абсолютно с вами согласен и не вижу противоречия между вербальным и физическим проявлением благодарно-

Фото Ларисы Беляевой

сти, нет между ними и никакого противостояния. Вернемся к Евангелию от Луки, откуда вы взяли тему, к встрече Христа с прокаженными. Там же, только в двух предыдущих стихах, читаем: «Один же из них, видя, что исцелен, возвратился, громким голосом прославляя Бога, и пал ниц к ногам Его, благодаря Его; и это был Самарянин». И тогда прозвучал тот самый вопрос: «...где же девять?». Если отрешиться от конкретной ситуации, можно сказать, что этот вопрос каждый должен задавать себе сам, спрашивать у своей совести. И Господь, зная природу человека, в последующих стихах словно подсказывает ему: «как они не возвратились воздать славу Богу, кроме сего иноплеменника? И сказал ему: встань, иди, вера твоя спасла тебя». Не наберется и пятнадцати строк священного текста, а в них, можно сказать, вся программа земной жизни: проси у Господа, будь благодарен Ему – и спасешься.

– Слушаю вас, отец Максим, и приходит на память другая евангельская притча – о человеке, которого Господь освободил от легиона бесов. Исцеленный пришел в здравый ум, то есть изменил свою жизнь, и это была его благодарность. Бесы же попушением Божиим переселились в свиней, и стадо погибло. А жители города, по сути, изгнали Христа, потому что не захотели расставаться со своей свиной жиз-

ню. Мне кажется, этот сюжет тоже относится к теме нашей беседы.

– Как и история жены Лота. Ведь она, покидая город, несмотря на запрет, все же обернулась...

– **И превратилась в соляной столб.**

– Потому что не хотела расставаться с прошлым. Да что жена Лота! Если бы наши пращурь, Ева и Адам, были благодарны Господу за то, что Он сделал для них, то есть продолжали бы жить изначально праведной жизнью, и мы с вами, и весь окружающий мир были бы сегодня другими.

– **В главном мы с вами, пожалуй, сошлись. Хорошо, а почему вообще за все нужно благодарить Бога?**

– Прежде всего, наверное, за то, что без Него не было бы ничеосоже, то есть ничего. Господь, начиная от наших телесных, умственных сил и кончая какими-то бытовыми необходимостями, все включает в сферу Своего внимания. Автомобиль – для передвижения, квартиру – для житья, этот перечень бесконечен, особенно теперь, в эпоху всеобщего потребления. Другое дело – кто и как этим распорядится, но сегодня, насколько я понимаю, у нас другая тема разговора. Сегодня мы говорим: «Благодарю Тебя, Господи, за то, что Ты дал мне все это». Предвижу возражение: «Как это – дал? Я трудился в поте лица, вкалывал...». Но разве не Господь дал тебе интеллект, физические силы, помог приобрести знания и навыки? Без всего этого ты был бы просто ничто. И тебе не за что благодарить Господа?!

– **Иными словами, благодарить Бога за то, что у тебя есть.**

– Представьте, не только. Порой Господь заслуживает от человека большей благодарности за то, чего у него нет.

– **Несколько неожиданно.**

– Допустим, у кого-то есть богатство и он не справляется с ним должным, евангельским образом. Человеку не предлагать бы к нему сердца, а не получается. И пропал человек. Как вы считаете, не надо ли благодарить Бога, если вы такой слабостью не обладаете? Благодарю Тебя, Господи, за то, что у меня есть, и благодарю Тебя за то, чего у меня нет.

– **Не похоже ли это на молитву фарисея? Благодарю Тебя, Господи, за то, что я не такой, как все, как этот мытарь?**

– Я бы не сказал. Фарисей все же не был до конца осужден. У него были и определенные положительные качества. Он делал и хорошее, но этим кичился.

Гордился. Помните? – и постился как положено, и десятину отдавал. Но ставил это себе в заслугу и возвеличивал себя, сравнивая с другими людьми.

– **Тут ключевое слово – сравнение.**

– Совершенно верно. Этого не следовало бы делать. А то, что он поступал по законам Моисея, так это хорошо.

– **Нет ли соблазна вроде бы искренне поблагодарить Бога, заказать молебен, а потом вернуться к своей прежней жизни?**

– Соблазн есть всегда. Не зря даже в безбожную советскую эпоху был лозунг-предупреждение: «Враг не дремлет!». Имелся в виду, правда, не враг рода человеческого, но у каждого времени свои соблазны. То, о чем вы говорите, вполне может иметь место. Как, скажем, и в покаянии. Вроде как искренне вытаскиваешь изнутри свои грехи, вроде бы очистился, а все равно что-то тянет к прежним прегрешениям. Как преступника на место преступления. В мир должно прийти соблазнам, но горе тому, через кого соблазны приходят. Вот о чем надо помнить всегда.

– **Как, по вашим наблюдениям, состояние нашего, точнее вашего, православного народа – я имею в виду тех, кто составляет ваше окружение, – как у него обстоит с благодарностью Господу и с тем, чтобы стараться жить по Его заповедям?**

– Какими критериями руководствоваться? Если, допустим, степенью доверительности между священником и прихожанином, то здесь легко попасть в просак. Поясно. Человек должен уметь – и хотеть! – критически оценить свое отношение к Богу: насколько он откровенен с Ним, честен, неформален. Не возьму на себя смелость утверждать, что такое доступно каждому. А если и да, то возникает другой вопрос: отношения между прихожанином и священником – какие они? Можно ли достаточно уверенно говорить, что они адекватно отражают главное: отношения с Богом и к Богу? Это такая тонкая материя, на нее воздействует столько факторов, что я, например, не берусь судить по ней о реальном состоянии этого вопроса.

– **То есть вопрос остается без ответа?**

– Отчего же? Как ни покажется странным, здесь более уместен количественный критерий. В этом году в Храме Христа Спасителя причастилось на Пасху семь тысяч человек. В храме, где сейчас мы с вами, было около семисот причаст-

ников. А в храме, где я служу, было в два с половиной раза больше обычного. Здешние батюшки отмечают серьезное прибавление. Люди тянутся к Богу, хотят принести Ему свою жизнь. Я считаю: это и делается, скорее всего, в знак благодарности. Вспомним апостола Марка: «...и возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, всею душою твоею, и всем разумением твоим, и всею крепостию твоею, – вот первая заповедь!». Ради этого человек главным образом и приходит к Богу. Это первый знак того, что человек начинает исполнять заповеди. Начинает уходить от того, что было страшного, плохого, греховного в его жизни. Принося благодарность, человек приносит себя, свою жизнь, отрешается от каких-то приземленных жизненных интересов, допустим, в воскресенье лежал весь день на диване и смотрел телевизор, а тут взял и пошел в церковь, к Богу. Вот так и происходит.

– **Сколько лет вы уже священником?**

– Четырнадцать.

– **Что подсказывает ваш опыт: движение людей к Богу имеет какую-то тенденцию – вверх или вниз или оно, скорее, происходит по синусоиде?**

– Надо полагать, вы не имеете в виду тенденцию к святости? С этим вопросом лучше бы обратиться к кому-то другому.

– **Я не стал бы ставить вас в затруднительное положение. Разумеется, не о святости речь.**

– Если оперировать математически терминами, то, скорее, по синусоиде. То больше народу приходит в храм, то меньше.

– **Нет ли зависимости между интенсивностью посещения храмов и общим состоянием жизни общества, страны? Сейчас наступили непростые для нас времена. Может быть, это стимулирует религиозность? Люди настойчивее ждут помощи от Бога, ищут ответы на вопросы, которые ставит перед ними жизнь.**

– Думаю, это несомненно так. Не случайно *кризис* в переводе с греческого означает *суд*. А где суд – там Бог. Нас нередко повергают в тяжелое состояние внешние причины. Они-то чаще всего и подвигают человека к тому, чтобы тот обратился к Богу и – как следствие этого обращения – возблагодарил Его. Вот уж кто может служить для нас примером, так это мученики Церкви. Сколько выпало на их долю и как они благодарили Господа! Именно гонения на Церковь, а это значит –

на людей Церкви, возвысили и расширили ее, облагородили и укрепили. Именно трудности земной жизни наполнили Церковь высокодуховными людьми.

– Испытания способствуют очищению человека – истина простая, но как трудно дается ее постижение!

– Попущением Божиим человек и ставится в такие обстоятельства, которые должны заставить его задуматься над сутью и смыслом своего бытия. А когда начинаешь погрязать в житейских мелочах, тут и без них никуда, до вечности ли тут?

– Сейчас, мне кажется, диапазон возможностей погрязнуть в этих самых мелочах значительно расширился. Я говорю не только о бытовой, о материальной стороне жизни. Затронута сфера нравственная, духовная, что мелочами, пожалуй, не назвать.

– Что вы имеете в виду?

– Противостояние религиозной и секулярной частей общества. Сейчас, мне кажется, оно стало острее. Я сужу по нападкам на Церковь, по разного рода протестным заявлениям, выпадам против священства. Что ни лько – то непременно в строку. Интересно, ваше впечатление совпадает с моим?

– Скорее нет, чем да. Если быть точным, я об этом как-то не задумывался. Стало быть, такого наблюдения у меня нет. Мне кажется, здесь определенную роль играют средства массовой информации...

– То есть именно они идут в авангарде этого противостояния?

– Нет, я имею в виду, что информация в принципе стала вседоступной и всеохватной. Я не считаю современную ситуацию исключительной. Просто раньше круг осведомленных людей был значительно уже и сами информационные потоки скуднее. А нападки на Церковь были во все времена. Насколько обоснованно – в целом говорить не стоит, нужно разбирать каждый отдельный случай. Я, например, не испытываю никакого дискомфорта там, где живу. Все, кто знает и не знает меня, всегда доброжелательны, приветливы. Часто подходят прямо на улице: «Батюшка, благословите». Правда, кто-то может кинуть на машину и гнилую картошку. Чего только не бывает...

– Я вспоминаю время, когда вы еще были в нашем ховринском храме, задолго до вашего рукоположения. И как-то в январе, лет, наверное, около двадцати назад, встретились в Псково-Печерском монастыре. Мы

с женой хотели попасть к архимандриту Иоанну (Крестьянкину), а вы там были с группой детишек. К отцу Иоанну попасть не случилось. И тогда, помню, вы сказали: «Здесь, на острове, есть такой старчик!.. Идите к нему». И мы пошли. На остров Залит, к отцу Николаю Гурьянову. Мы шли по льду озера, можно сказать, наугад: пурга такая, что острова не видно. Но когда добрались до отца Николая, стало понятно, почему вы посоветовали пойти к нему. А на следующий день – оттепель! В январе-то... Пешком не пройти, на машине – опасно: воды по ступицу. Но отец Николай благословил – и проехали, как по воздуху пролетели. Я так вам за это благодарен... Вы с самого начала определили для себя путь в священство?

– С самого начала – с какого?

– С того, когда человек задумывается о своем будущем: кем ему стать – пожарным или космонавтом?

– Нет, я об этом не думал. Я понимал, к чему может привести тот или иной мой шаг, но не могу сказать, что во мне сформировалось какое-то четкое желание.

– А как эта идея вообще возникла? В семье?

– У меня же никого не было. Только бабушка родная, но она не была религиозной. Прабабушка – другое дело. Она была очень набожной, правда, не помню, чтобы так уж ходила в храм. Да время какое было? Лучше меня знаете. Она-то мне и открыла, что есть что-то такое, чего я не знал. Это детские впечатления...

– Но крещены вы, конечно, были?

– Да, крещен был. До сих пор помню вкус причастия, того, первого. На чердаке нашел старое Евангелие... Этим мои религиозные впечатления детства и ограничивались. Так и вошел в возраст, когда интерес к окружающему миру начинает заявлять о себе все острее.

– И куда же привел вас растущий интерес?

– В светской жизни – в Академию водного транспорта, на судомеханический факультет. А в жизни духовной интерес поводил меня по разным дорожкам: и к разнообразным сектантам, и к адвентистам седьмого дня, и ко всяким проповедникам, а их тогда в Москве было пруд пруди...

– Это было простое любопытство или все же тяга к сакральному?

– Сегодня я могу сказать: это были неосознанные поиски Бога.

– И как долго они продолжались?

– Пока один человек не сказал мне: «Ты никогда не слушал радиостанцию “Радонеж”»? Советую».

– Что за человек?

– Можно сказать, случайный. Я сидел на причале, на Речном вокзале, принимал швартовы, работа не так чтобы очень утомительная. И тут он подходит ко мне... А дальше все пошло как-то совсем непонятно, будто само собой. Послушал я этот «Радонеж» раз, другой и через неделю был на первой своей исповеди. У отца Артемия Владимировича. С этого момента началось мое воцерковление. Года через полтора мне прооперировали ногу, и я, еще на костылях, выбрал храм поближе к дому. Это как раз и был знаменский, который только-только вернули Церкви. А у отца Георгия глаз цепкий. Увидел, что я часто хожу, – и попросил помочь в алтаре. Тогда здесь практически никого не было. И сторожем был, и регентовал, и в воскресной школе...

– А учились заочно?

– Да. У меня к тому времени уже было трое детей.

– А сейчас?

– Пятый на подходе.

– Помолимся о непраздной Анне. Да, вам есть за что благодарить Бога.

– Что я и делаю. Причем я как-то, знаете, учусь все время Промыслом Божиим жить. Если удастся, это всегда приводит к лучшему результату. Особенно ощущаешь это, когда тяжело, когда кажется, что все не так, хотелось бы как-то по-другому, но если смиряешься, принимаешь это как волю Божию, проходишь какое-то время, оглянешься и понимаешь: а ведь так и надо было! Рука Божия вела меня в лучшее.

– Мы не конструируем такое объяснение подобно тому, как подгоняем решение задачи под известный ответ?

– Принципиальная разница в том, что ответ задачи вы не должны знать и, как правило, не знаете заранее. А человек, который смиряется перед рукой Божией, то есть вверяет себя Ему, знает наверняка, что его «задача» будет решена верно и самым благоприятным способом. Такой человек заведомо знает, что конечный результат будет в его пользу. И потому ради него готов понести и трудности, и нестроения, и болезни.

– Своего рода прагматизм – делать так, как тебе выгодно.

– Как сказать... Когда сильно тяжело, о прагматизме не думаешь. Это вопрос веры, и только веры.

– Но веры именно в разумность мироустройства, так? С одной стороны, вера – нечто сакральное, неосязаемое; с другой – удивительно рациональна. Ведь Христос учит нас ко всему подходить разумно.

– Да уж, голову на площади не надо оставлять. Бог наделил нас разумом, а это – тоже талант, который нельзя зака-

пывать в землю. Все должно быть разумно, и вера – прежде всего.

– Слушаю вас и думаю: зовемся братьями по разуму, а все, что ни делаем, во вред себе и окружающим! Если не сразу, все равно аукнется в будущем.

– Такова, увы, наша греховная природа.

– И единственный, кто может нас спасти, – это Господь. Но пока еще по-прежнему актуален вопрос двухтысячелетней давности: «...не десять ли очистились? где же девять?».

– Не будем терять надежду, что и к ним придет это понимание. Слава Богу за все!

Формулы жизни Бориса Корчевникова

Он – фигура, как теперь говорят, медийная. Его «Прямой эфир» на канале «Россия» собирает очень большую аудиторию телезрителей. Борис Корчевников исповедует православие, подлинно, а не номинально воцерковлен и, что особенно приятно, не скрывает этого, хотя и специализированно не афиширует. О нем можно сказать словами патриарха Алексия II: «Вера не показывается, а доказывается». Думаю, те, кто не знал этой стороны жизни популярного телеведущего, теперь по-иному будут воспринимать и его программу. Сегодня мы беседуем с Борисом о главной теме номера.

Павел Демидов

– Вы, наверное, помните: в Священном Писании есть притча о десяти прокаженных, которые встретились Христу, и Он, по их просьбе, исцелил и отпустил их с миром. А вскоре один из выздоровевших вернулся поблагодарить Спасителя. И Иисус спросил его: «...не десять ли очистились? где же девять?».

– Насколько я понимаю, тема нашей беседы – благодарность.

– Совершенно верно. С существенным, на мой взгляд, расширением: в чем ее суть – благодарности человека Богу?

– И в чем же?

– За этим я к вам и пришел. Могу изложить свое понимание. Суть благодарности человека Богу не столько в общепринятой форме, то есть в словесном выражении, сколько в изменении своей жизни и в стремлении приблизить себя к образу Божию.

– Согласен с вами. Это не всегда просто, но, когда видишь, сколько тебе Бог дает, ты готов даже и меняться. Но как быть, если Господь дает крест? За него как благодарить?

– Наверное, вопроса не будет, если понимать, что крест дан тебе не в на-

казание, что это твоя судьба. Если благодарить за жизнь, значит, и благодарить за крест.

– Каким бы он ни был? Даже если понимаешь, что заслужил его своей прежней жизнью?

– Вот видите, вы все же рассматриваете крест как вериги. А я смотрю на крест как на часть моей жизни. Потому что не может быть жизни легкой.

– Да, но как тяжело благодарить в этом случае. Искренне благодарить и принимать все, что посылает тебе Господь. Это, наверное, высшая степень близости к Богу.

– И очень высокая планка.

– Очень высокая!

– Простые смертные, наверное, вряд ли ежедневно благодарят за крест. Чаще это происходит, когда в твоей жизни случаются какие-то события, и ты начинаешь думать: «Вот это мой крест». А благодарить Бога надо всегда. Почему?

– Я хорошо помню, как вымолил серьезные перемены в моей жизни. Мне тогда не нравилась моя работа, я молился – и появилось. Причем настолько другое, о чем я даже мечтать не мог. Тогда было так очевидно, что это никакая не «случайность». Что это от Бога. (Хотя говорят, что случай – язык Бога). И это заставило меня из благодарности к Нему жить в постоянном страхе – чтобы Господь не отобрал у меня все, что дал. Это были мои самые первоначальные отношения с Богом – не обидеть грехом. Я очень этим дорожил.

– А когда началось ваше знакомство с Богом? Что-нибудь послужи-

ло толчком, были какие-то предпосылки?

– Было несколько заходов, если так можно сказать. Первый толчок случился, когда я пришел к блаженной Матроне. Мне тогда было едва ли за двадцать. Я был вполне успешен, ничто меня не напрягало, и к святой я пришел практически случайно. Меня привезла девушка, которая потом стала мне очень близка, мы с ней дружили. Как все, стою в очереди к мощам и в какой-то момент вдруг начинаю плакать. Что-то почувствовал. Не могу объяснить – что. Но это было такое сильное ощущение полноты... истинности... В какой-то миг я посмотрел на свою жизнь другими глазами...

– Какими?

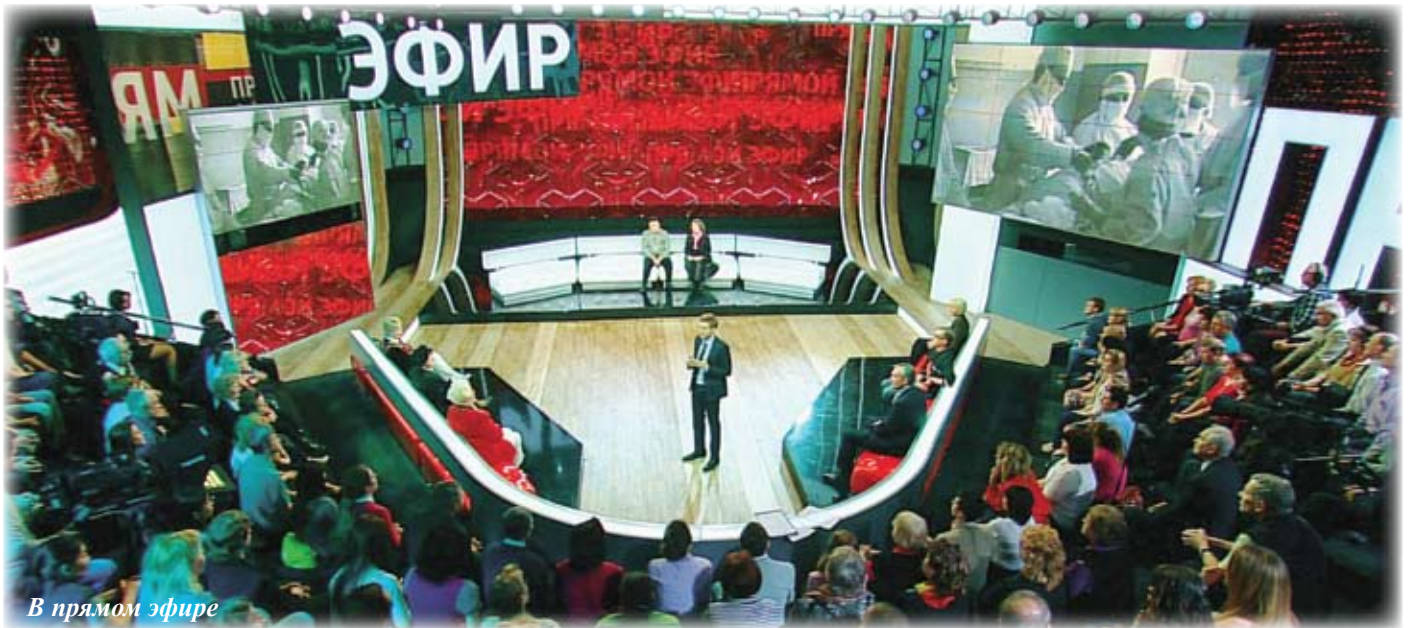
– Глазами Бога. Он как бы приоткрыл мне мою жизнь, и я увидел ее не такой, как всегда... Это было всего несколько мгновений, но потом я жил, оглушенный этим впечатлением, этим опытом. Я не понимал, что мне с собой дальше делать. Я осознал и запомнил одно: в Церкви Господь есть. Там Он открывается перед тобой.

– И начался ваш путь?..

– Что вы! Первый раз я причастился только через два года. Тоже цепочка событий: меня познакомили со священником, первый раз исповедовался... И как-то все это сошлось. Ощущение после Причастия оказалось очень созвучно тому, что я испытал у святой Матроны. Я вновь мгновенно увидел всю свою жизнь глазами Божиими, а не своими.

– А что такое увидеть себя глазами Бога? Открыть в себе то, чего не знал раньше?

– Именно так. С одной стороны, это такое счастье: ты видишь себя таким, какого тебе никто не покажет – ни родные, ни друзья, ни ты сам. А с другой – обретя это знание, ты уже не можешь от него отмахнуться, сделать вид, что его нет, то есть ты уже не можешь быть прежним. Появляется новая ответственность – перед Богом. Потому что Он, оказывается, такой конкретный. Он – никакая не «космическая энергия добра». Это Личность, Которая конкретно и очень предметно тобой занимается, участвует в твоей жизни.

– И за это тоже нужно Его благодарить?

– Даже без «спасибо, Господи» появляется новое качество жизни, которое можно назвать благодарностью. После причащения я просто физически почувствовал, что такое «блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят». Мое сердце словно промыли, ведь Причащением сердце очищается. И появляется бесценное чувство – что нет больше никакой грязи прошлого. Что все началось сначала. Что ты – чистый лист. И уже живешь, стараясь это хранить. Потому что Бога видишь и терять Его из виду уже не хочется. И потихоньку всю жизнь посвящаешь Ему. Он становится целью всего. Каждого дела и слова.

– У игумена афонского монастыря Григорию архимандрита Георгия (Кассаниса) есть небольшой сборник бесед, озаглавленный «Обожение как цель человеческой жизни». Уже название отвечает на главный вопрос земного бытия: для чего мы живем? Чтобы воспользоваться возможностью, которую дает нам Христос: «соединиться с Богом и вернуться к той первоначальной цели,

к которой предназначил человека Бог». Но лично меня эта книжечка потрясла тем, что она просто и ясно отвечает, как это сделать. Можно исполнять все требования христианской этики, говорит монах со Святой Горы, но это не значит достичь обожения. Оно приобретает только благодатью Божией, то есть посредством нетварных Божественных энергий, это дар Божий. А такое возможно только в Церкви Христовой, причем не метафорически, а совершенно конкретно, физически присутствуя, ибо только в храме человек соединяется с Богом. Вы практически испытали то же самое, только изложили другими словами. Мне показалось важным сказать вам об этом.

– Я очень вам благодарен. Это действительно важно для меня. Я словно получил подтверждение откуда-то сверху. Именно в храме, именно после Причащения я стал по-другому видеть и чувствовать. А такое возможно, когда ты чист. Когда нет греха.

– Но не удастся ведь жить без греха. Потому что невозможно пребывать постоянно в благодати.

– Конечно. Но ты постоянно борешься за то, чтобы грех не коснулся тебя. Борешься за состояние благодати. И начинаешь зависеть от этой борьбы. Если бы можно было сейчас исповедоваться и причащаться каждый день...

– А есть в этих ощущениях место благодарности Богу? Пока мы, пожалуй, говорили о том, что Господь открывает вам. Это Он вам давал. А что в благодарность даете Ему вы?

– Конечно, здесь много эгоистичного. Это правда. Но, поверьте, я не оправды-

ваюсь: это какой-то странный, христианский эгоизм.

– Христианский эгоизм? В чем же он?

– В том, что мне хорошо с Тобой, Господи, я хочу Тебя видеть всегда рядом, мне так счастливо, так полно, так чисто. Но – удивительное дело! – этот эгоизм и есть благодарность Ему. И мне кажется, что эта эгоистичная благодарность намного приятнее, дороже и нужнее Богу, чем вычитывание молитвенных правил. Вообще мы все равно никогда не можем быть благодарны Богу в полной мере за то, что Он нам дает, – это не в возможностях человека. Поэтому в отношениях с Ним благодарность – это научиться хотя бы брать то, что Он дает. Мне кажется, Ему это важнее всего. Не случайно Причащение – это то, что Он нам дает. Он нам дает, а мы Его благодарим. Ведь *Евхаристия* с греческого – благодарность. Мы выражаем нашу благодарность тем, что берем то, что Он нам дает. И, может быть, Он попускает нам этот наш эгоизм.

– Иначе бы Он не говорил нам: берите, ядите, сие есть Тело Мое. Очень интересно слушать вас и размышлять вместе с вами. Господь благодарен нам за то, что мы берем...

– Вот! Вы понимаете? Все, что касается отношений с Богом, – взаимно.

– Непременно!

– Чтобы чаще причащаться, надо менять свою жизнь. А чтобы менять жизнь, надо чаще причащаться. Потому что сам ты неспособен. И это изменение жизни – тоже часть благодарности Богу. От частого причащения приходит понимание и Бога, и себя, и всего вообще. Чем

больше ты понимаешь, кто ты такой, тем больше понимаешь, что без Бога ты вообще ничто. И чем дальше – тем больше. Касается ли это личной жизни, профессии, отношений с людьми...

– Это огорчает?

– Что вы! Напротив – радует. Потому что дает укрепление в вере, а не в самомнении.

– И часто вы получаете подтверждения Его участия в вашей жизни? Его присутствия в вашей жизни? Постоянно?

– (После почти минутной паузы). То, что очевидно для меня, скорее всего, не будет очевидно для других. Я что-то попросил у Господа – и получил. Или не получил. Почему? Начинаешь думать, анализировать... Тот, кто не прошел через это сам, вряд ли поймет из третьих рук. (Пауза). Я очень остро ощущаю Его отсутствие.

– А когда вы ощущаете Его отсутствие? Когда о чем-то просите и не получаете?

– Господь – не Дед Мороз. Отсутствие Его связано с совсем другими ощущениями. Незащищенность. Потеря смысла во всем, чем занимаешься. То, что называется богооставленностью.

– А вы, Борис, не замечали, когда приходит это состояние?

– Всегда, когда осуждаю. Железно! Все остальные причины – через запятую. А я очень много осуждаю.

– В нашей жизни разве такое возможно – не осуждать?

– Возможно – когда молчишь. Когда смотришь внутрь себя. Но сейчас у меня не получается не осуждать.

– У меня тоже не получается. Если не вслух осуждаешь, то в сердце – все равно... Какая разница – произнес ты или не произнес?

– (Долгая пауза). Я замечал закономерность: чем острее ощущаешь отсутствие Божие, тем чувствительнее и Его присутствие в твоей жизни. С Богом – насколько спокойнее...

– Есть на Кого переложить ответственность?

– Ни в коем случае! Я каждый день общаюсь с огромным количеством людей. Для меня это всегда серьезный вызов и огромная ответственность. Когда я начинаю работать и понимаю, что вот Он, рядом стоит, смотрит на меня или в студии сидит, или у телевизора даже... для меня это – как если бы за мной следили мама или папа. Значит, я должен сделать свое дело наилучшим образом, чтобы в

На Афоне

На Пасхальной службе

С монахиней Евфросинией. Горненский монастырь, Святая Земля

их глазах не выглядеть недостойно. Чтобы они мной, если хотите, гордились. Так хочется понравиться Господу!.. Хочется, чтобы Он тебя похвалил. И это определенным образом настраивает. А если не чувствовать присутствия Божия, то какая разница, хорошо я что-то делаю или плохо? И еще одно... правда, трудно сформулировать, но постараюсь. Если ты признаешь, что ты – всего лишь гребец, что твое дело – только грести, а вот Он – у руля...

– Это называется кормчий.

– Совершенно верно! Кормчий. Мне кажется, это точная метафора. Ты чувствуешь, что прикладываешь силы, иначе

лодка не будет двигаться, но при этом ты вверяешь Ему направление. И ты словно живешь напополам: все разделяя с Богом. Если можно сказать, боковым зрением все время видишь Его и стараешься... не угадать – предугадать, чего же Он ждет от меня, куда, Он хочет, чтобы мы приплыли. Не я один – вместе с Ним.

– Мне пришло в голову сравнение, которое может показаться некорректным. Так собака на хозяина смотрит.

– Отчего же? – это очень хорошее сравнение. Интересно, что у митрополита Сурожского Антония есть похожая метафора. Он говорит, какими должны

быть взаимоотношения с Богом. Когда хозяин кидает собаке палку, она бежит и приносит ее. И мы должны обратить внимание на одну очень важную вещь, которую следует перенять у собаки: посмотрите, как она радостно вертит при этом хвостом. С таким же рвением, с такой же радостью мы должны бросаться и исполнять волю Божию. Не знаю, понятно ли я сказал. Когда получается так жить, то остро чувствуешь присутствие Божие. Но это все же очень индивидуально.

– **Совершенно верно. Могу привести пример из личного опыта. Я присутствие Божие ощущаю, скорее, опосредованно. И выражается это в том, что я пристально и внимательно слежу за собой. Как через прорезь прицела. Посмотрел – не посмотрел, сказал – не сказал, подумал – не подумал... Забываю, конечно, повторяю ошибки... Ведь мы научились наступать на грабли задолго до их изобретения. Я вот таким образом воспринимаю присутствие Божие: Он помогает мне работать с самим собой. Я понятно говорю?**

– Очень даже. Это все равно, что смотреть на себя Его глазами.

– **Наверное, да.**

– Говорят, у человека четыре измерения: каким он видит себя, каким видят его родные и близкие, каким – далекие и каким его видит Бог. А цельность человека – это когда три первых измерения совпадают с четвертым.

– **Большое счастье и большая редкость. А когда, Борис, у вас возникли взаимоотношения с верой?**

– В детстве я много болел, и мама подруга предложила маме: «Давай окрестим, хуже не будет». А заодно в тот же день вместе со мной окрестилась и мама.

– **Надо же! Какая красивая ситуация.**

– Но я еще долго не знал, что ближе и доступнее Бога ничего и никого нет, что Церковь, которую основал Христос, – это, по сути, Он Сам, что она – Его Тело и одновременно Его дом. Все это пришло ко мне значительно позже.

– **У Матроны?**

– Да, это было первое откровение. И так стало получаться, что я изолировался от всех прежних связей, попал в совершенно новую среду. Мне ничто не препятствовало стать настолько близко к Богу, насколько я был способен, ходить на службы, читать книги, погружаться в Евангелие...

– **Не обратили внимание на то, что слепая Матрона открыла вам глаза на Господа?**

– Действительно, так и было! Слепая Матрона открыла мне глаза на Господа... Так и было.

– **А как с благодарностью? Самой обычной. Допустим, заказать благодарственный молебен. Это присутствует в вашей жизни?**

– Знаете, не очень... Вы меня сейчас об этом спросили, и мне стало стыдно, что давно это не делал. Я иногда в гостях благодарю Господа после еды, но чаще всего забываю. Перед едой молюсь, а после, когда ем один, – практически нет.

– **Я этим, увы, тоже грешу.**

– Мне так интересно на эту тему говорить... В самом деле, ведь благодарность – это центр всей жизни нашей. Я как-то сразу уверовал, что моя благодарность Богу в том, что я все свое дело употребляю на служение Ему. В принципе это так и должно быть: служи делу, к которому призван, так говорит и Апостол, верно? Я воспринял это горячо, едва пришел в Церковь. Я – журналист, работаю на телевидении, но служу Богу. Первая часть этой фразы может варьироваться, но вторая должна быть неизменной. Взять, например, человека, который делает журнал «Лампада». Вы, вероятно, тоже ощутили в себе этот призыв – свою профессию посвятить Богу?

– **Призыв?.. Пожалуй, нет: призыва я не услышал и не почувствовал. Но я так благодарен Ему за то, что Он дал мне эту возможность! Я убежден в том, что вся моя предыдущая жизнь, очень большая и насыщенная, была претечей моего нынешнего дела. Если бы у меня не было за спиной такого профессионального и жизненного опыта, я не смог бы делать журнал именно таким. Значит, Господь меня готовил всей моей предыдущей жизнью. Значит, я пока нужен Господу на этом деле. И «Лампада» нужна. Вот когда журнал почему-либо исчезнет, исчезнет и я. Я свое дело сделал, и тогда Господь позовет меня к Себе. В этом я убежден, и тоже железно.**

– А я вижу в этом ответ на ваш же вопрос – про ощущение присутствия Божия. Господь приводит тебя туда, где, как ни крути, ты лучше всего угоден Ему и, значит, лучше всего можешь Его благодарить.

– **Когда вы говорили о своем ощущении присутствия Бога, я думал о себе с сожалением и горечью. Так я Его не ощущаю. Моя вера не экзальтирована. Я, например, завидую своей жене. А о себе думаю: что я, чурка какая-то? Но вы сказали очень важную для меня**

вещь. Значит, я чувствую Его таким образом. Значит, у меня такое ощущение Бога. Спасибо вам.

– Действительно, когда оборачиваешься назад, на пройденный путь, видишь, что события, которые поначалу казались случайными, выстроились в логическую, гармоничную структуру. И видишь, что это она привела тебя к наилучшему результату. Но иногда Господь не дает нам сделать то, что вроде бы должно Его прославить. Мне кажется, Он не попускает нам такое, потому что видит его формальную суть. Ему ведь не нужны похвалы. Сыне, отдай сердце твое – вот что Ему нужно. А если не можешь или не хочешь – тогда не может быть и истинной благодарности. Однажды со мной произошло... монах, возможно, об этом не стал бы говорить, но я рискнул. Я услышал голос Божий внутри себя. Мне говорили многие священнослужители, я и читал, что нужно уметь молиться, чтобы услышать Бога. Не молитвословить, а именно молиться. И если после этого задать вопрос Господу, то услышишь ответ. Со мной было именно так. Я пребывал в ужасном состоянии богооставленности. Я упал на колени, я молился в голос, молитвы были не из какого-то правила, а первые, что приходили на память. Кажется, Символ веры и Покаянный канон. Но в основном от себя, своими словами. Кажется, я плакал. И я спросил: «Господи, что мне делать, чтобы всегда быть с Тобой?». И услышал! Как молния, которая прорезает небо от края и до края, коротко, выпукло – всего одно слово. Я не мог ни придумать его, ни вычислить логически. Оно пришло откуда-то извне и в то же время изнутри. Из такой глубины самого себя, где может быть только Господь. Прозвучало только одно слово – «Распяться». Я вздрогнул и даже, смешно сказать, переспросил. И услышал то же. Но вместе с этим ответом в сердце пришел невероятный мир. И в то же время я не знал, что с ним делать. Я все время теперь с этим живу, уже лет пять, шесть. Распяться... Это страшно?

– **По мне – так нет.**

– Как ни парадоксально, я воспринимаю это как утешение от Бога. Он как будто приглашает меня в Свои ряды. Принять – это и есть благодарность Ему? Распяться. Как вам такая благодарность?

– **Она мне нравится. Вы произнесли это слово, и передо мной возник образ. Не конкретный, связанный с его смыслом, скорее образ-вопрос. Как же человек должен жить, чтобы соответствовать этому призыву? Речь же не**

идет о буквальном распятии, как на Голгофе. Я должен каждый день распинаться, каждый миг...

– Именно! Вся жизнь должна стать этим распятием.

– И в вашем «Прямом эфире», и во время отпуска, и дома, в семье – в первую очередь. Вы, надо сказать, напросились на рекомендацию. Теперь вам надо все это тащить на себе. Это и есть ваш крест.

– И благодарность Богу.

– Вы счастливый человек, если это понимаете.

– А как объяснить тем, кто не понимает? Это может выглядеть безумием.

– Если человек этого не чувствует, как можно ему объяснить? Это как слепому и глухому объяснять, что такое балет. Если у человека нет органа, которым он воспринимает веру, – стараться впустую. Возможен вариант: я это понимаю, но не могу чувствовать, если это не произойдет со мной. В вашем случае я вам абсолютно верю, я даже почти чувствую, я бы сказал, что даже завидую... Но в то же время я в какой-то степени и боюсь.

– Чего же?

– Услышать такое сам. Это все равно как, положив руку на плуг, не озираясь бы назад. Помните в Евангелии от Луки? Но лично я еще так неблагоприятен для Царствия Божия...

– К сожалению, вы в этом не одиноки... С той поры я все время по-особому вглядываюсь в Распятие. И всегда звучит во мне это слово, когда в храме я становлюсь на колени перед Крестом. И, когда особенно тяжело, а сейчас, не кривя душой, у меня работа такая, что тяжело бывает очень часто, я всегда вспоминаю это слово, и в такие моменты оно звучит утешением.

– Вы сейчас коснулись своей работы. Она у вас действительно очень сложная. Именно для человека верующего. Наверное, нередки ситуации, когда нужно пройти между Сциллой и Харибдой. И не всегда, наверное, удается выдержать линию православия. Я понимаю: такая жизнь. Но зато у вас всегда есть что написать в своей исповедальной хартии. Хотя, впрочем, у кого этого нет.

– Когда только начинался этот проект, я понимал, что может подстергать. Я поступил так, как, вероятно, делают это многие. Открыл Евангелие, и палец попал на строчки, которые содержали смысл ответа на мой вопрос: то, что

делаешь, делай как дело Божие. Через какое-то время я вновь открыл Евангелие с похожим вопросом – как мне поступать или что-то вроде этого. И прочитал: «...будьте мудры, как змии, и просты, как голуби».

– А может, все по-другому? Евангелие содержит советы и дает ответы на все, что только может возникнуть в человеческой жизни. Ведь для того и дал его нам Господь. Не слишком ли мы порой увлекаемся поисками скрытого смысла там, где «ангелов со сто»?

– То есть там, где просто? Такое, конечно, тоже может иметь место. Но я же не открыл Новый Завет там, где Петр отрывается от Христа или где мать сыновою Зеведеевых просит Спасителя усадить своих чад справа и слева от Него. Я получил точный ответ, и эти формулы всегда при мне.

– И какие же задачи вы решаете с их помощью?

– Если есть возможность кому-то помочь, я это делаю. Если есть возможность на страшном примере какой-то жизненной драмы вместе с экспертами – участниками программы разобраться, почему это произошло, и донести это до зрителя, я это делаю. Без менторства. Без проповеди и морализаторства – я каждый раз сам пытаюсь понять, какие духовные законы человеческой жизни здесь были нарушены, произошло бы так, если бы человек не нарушил... за-по-ве-ди? Пусть не прямым текстом, но я стараюсь прийти сам и программу привести к этому. Скажу честно, после многих передач я чувствую себя опустошенным.

– Из-за больших душевных затрат?

– (Долгая пауза). Нет, это другое. Тот мир, который ты собираешь в церкви, мир Святаго Духа, он же – как птица на плече: чуть пошевелился – и он вспорхнул и улетел. А здесь очень часто сталкиваешься с эмоциями, с инстинктами. И часто страсти одолевают людей в студии.

– А вас они тоже одолевают? Но надо сказать, что держитесь вы хорошо.

– Что вы! И меня захлестывает! Ведь все в себя впускаешь.

– Порой у вас в эфире такие персонажи, что невольно кулаки сжимаются. Но надо держаться, так? Не бойтесь за свой образ?

– В каком смысле?

– Если вы не дистанцируетесь от отрицательного героя, зритель может отождествлять вас с ним. А попадают такие нравственно запущенные люди...

– И тогда тем больше боюсь осудить. Когда вечером прихожу опять пустой домой, спрашиваю себя: что сделал не так? Может, осудил, может, обидел кого-то. Не могу винить никого, кроме себя. Выручает все то же: храм, исповедь, причастие.

– Вы не задумывались: общество, в котором нет веры, – обречено? Это дом, построенный на песке.

– Что же делать тем, кто верит? Они же не могут закрыться в своих комнатах.

– Они не должны это делать. Иначе как спастись тысячам вокруг них?

– Но я ни в коем случае не вижу себя проповедником или миссионером, который меняет страну и мир. Я просто делаю дело, которое – верю – пока угодно Господу. Придет время – и Он уберет меня из «Прямого эфира». Но пока мне нравится быть свидетелем и очевидцем того, как меняется мир. Мне только не нравится то, каким он становится. Даже за последние пять лет мир так стремительно изменился. И не в лучшую сторону. Но в этом всего лишь исполнение евангельских пророчеств. И мне нравится находить подтверждение Христовой правды, пусть и такой печальной. Пророческие слова Сына Человеческого: «...придя, найдет ли веру на земле?».

– Вниз катиться всегда легче, чем подниматься в гору.

– Совершенно точно. Но не надо брать на себя слишком много. Я помню слова старца Иоанна (Крестьянкина). Точной цитаты не приведу, но смысл такой: «У нас, у христиан, нет задачи изменить мир. У нас есть задача исповедовать Бога». И ведь это тоже благодарность Ему. Исповедовать Христа можно только всей своей жизнью. В принципе вся наша жизнь во Христе и есть благодарность за Жертву Христову. По-моему, прекрасная точка в нашей беседе. Вы не находите?

– Помогите вам Господь.

СЕКРЕТЫ

Хотя благодарность ничего Богу не прибавляет, между тем нас приближает к Нему.

*Святитель
Иоанн Златоуст*

Скажите, пожалуйста...

 <p><i>Вот что ответили нашему корреспонденту Ларисе Беляевой на ее вопросы...</i></p>	<p><i>Диакон Александр</i></p>	<p><i>Кристина</i> 21 год <i>домохозяйка, молодая мама</i></p>	<p><i>Татьяна</i> <i>преподаватель</i></p>
<p>Почему за все нужно благодарить Бога?</p>	 <p>Всегда надо благодарить Бога, за доброе, за злое, потому что Господь посылает нам это для исправления нашей личной жизни.</p>	 <p>Потому что Бог создал мир. Не было бы Бога – не было бы нас.</p>	 <p>Потому что все нам дается от Бога, поэтому надо за все благодарить, за плохое и за хорошее.</p>
<p>Вы благодарите Бога из страха перед Ним или не желая обидеть Его?</p>	<p>Благодарность возможна от любви, а когда любишь, боишься обидеть.</p>	<p>Я думаю, что благодарим не из страха.</p>	<p>Благодарность из страха – это вещь нереальная. Если ты благодаришь, то благодаришь от сердца, не желая обидеть Его.</p>
<p>Как часто благодарите Бога лично вы?</p>	<p>Не всегда. А благодарить надо всегда. Я видел в Оптиной одного батюшку, который все время повторял: «Господи, благодарю Тебя». У меня такого состояния нет, но хотелось бы приобрести.</p>	<p>Каждый день.</p>	<p>Не так часто, как Он дает мне Свои блага. Надо бы почаще.</p>
<p>Вы верите, что ваши благодарения доходят до Господа?</p>	<p>Эта молитва доходит до Господа, когда ты признаешь, что ты грешный, не превозносишься перед другими.</p>	<p>Может быть, не все доходят, потому что Бог на весь мир.</p>	<p>Конечно.</p>
<p>Как вы принимаете посылаемые вам искушения: с благодарностью или как наказание?</p>	<p>Когда человек признает себя грешным, понимает, что по грехам это получает, и благодарит Господа, тогда молитва доходит до Него и он быстрее сам изменяется.</p>	<p>С благодарностью, порой – как наказание. Бог не посылает больше, чем человек может выдержать.</p>	<p>С благодарностью.</p>
<p>От чего исходит благодарность: от ума или от сердца?</p>	<p>Благодарность исходит от сердца, потому что оно горячее, а ум холодный.</p>	<p>Скорее, и от сердца, и от ума.</p>	<p>От сердца.</p>

<p><i>Леонид Черкунов</i> 26 лет начальник отдела банка</p>	<p><i>Александра</i> 45 лет домохозяйка</p>	<p><i>Василий Васильевич Тимошин</i> пенсионер</p>	<p><i>Лариса Петровна</i> 47 лет уборщица</p>
			
<p>Для меня это данность.</p>	<p>А как иначе! За все надо благодарить Бога, потому что все, что с нами происходит, – это нам на благо. Даже если сейчас это не видно, может быть, горько, обидно, но Богу виднее.</p>	<p>Потому что все от Него, от Бога. И то, что день наступил, и то, что живу в этом мире, и что вокруг меня родные, друзья.</p>	<p>За то, что Бог нам всем дает жизнь и все для жизни.</p>
<p>Ни то и ни другое. Я где-то прочитал, что не нужно бояться Бога, Его нужно уважать.</p>	<p>По-всякому бывает. Когда-то – из-за страха перед Ним, когда-то – не желая обидеть.</p>	<p>Я благодарю Бога из-за страха, боюсь гнева Господня.</p>	<p>Не из-за страха, а просто благодарю за то, что Он все нам делает.</p>
<p>Честно говоря, реже, чем хотелось бы.</p>	<p>Внутри себя, мне кажется, постоянно, но чтобы остановилась, молитву прочитала – не очень часто, не постоянно.</p>	<p>Целый день благодарю Господа за все.</p>	<p>За все благодеяния благодарю Бога. Может, не всегда часто получается, но стараюсь.</p>
<p>Конечно, иначе я бы это не делал.</p>	<p>Да, верю, что благодарения доходят до Бога. Господь все видит и все слышит.</p>	<p>Конечно, доходят. Зависит от того, с каким сердцем обращаюсь к нему.</p>	<p>Да, часто доходят до Господа.</p>
<p>Часть – с благодарностью, часть – как наказание.</p>	<p>Я бы хотела сказать, что принимаю посылаемые мне искушения с благодарностью, но пока, наверное, нет, скорее, принимаю как наказание.</p>	<p>Конечно, с благодарностью.</p>	<p>Искушения иногда с благодарностью принимаю, иногда – как наказание.</p>
<p>Где-то посередине.</p>	<p>Благодарность и от ума, и от сердца.</p>	<p>От сердца.</p>	<p>От сердца.</p>

Мне снится Нерль Из личного дневника

19 июня 1967 г. Понедельник. Группой из двух дружественных отделов – студенческого и школьного – решили в воскресенье добраться до храма Покрова на Нерли. Во Владимире, куда прибыли в субботу поздно вечером, в гостинице мест не оказалось.

Сердобольная администраторша (хотя мы и не стали выдавать свою принадлежность к славной всесоюзной любимице «Комсомолке») все же рассовала девушек по номерам, ребят уложила на раскладушках в коридоре. И даже разбудила всех на рассвете. Деньги брать отказалась: «Что с вас, голодранцев, возьмешь?». На прощание стала объяснять, как лучше проехать, но, узнав, что нам надо пешком, понимающе согласилась: «Конечно, ведь сегодня Троица». Она называла храм Покрова просто Нерлью. И мы стали так его называть.

Отправились, когда еще только светало и было довольно прохладно. На подходе к Боголюбову встретили восход. А когда вышли к цветущему пойменному лугу, за которым и была Нерль, солнце уже светило и грело в полную силу.

К моменту первого свидания с Нерлью я знал о ней уже немало. Знал, конечно, что возвели ее мастера Андрея Боголюбского в 1165 году по печальному поводу. Только что успешно завершился поход князя против волжских булгар, но погиб его сын Изяслав. В память о нем и повелел князь Андрей возвести храм на рукотворном, насыпном холме при впадении Нерли в Клязьму. А поскольку на Руси только что, всего год-другой назад, был учрежден новый православный праздник (отмечают его 14 октября), связанный с преданием о том, как Мать Христа Мария во время осады

Константинополя сарацинами спасла молящихся в церкви христиан, окутав их Своим сотканым из света Покровом, дали Нерли имя: храм Покрова Богородицы, и он стал самым первым Покровским храмом.

Замечательный наш зодчий Андрей Буров между прочим написал о Нерли такие поэтические слова: «Храм Вознесения в Коломенском – как полет чайки, церковь Покрова на Нерли – как невеста». Потом я часто встречал сравнение Нерли с невестой и у других авторов.

Да, я многое знал о Нерли. Но только встретившись с ней воочию, понял: не знал о ней ничего. Вернее, почувствовал: не ведал о ней главного.

Сегодня переносу в дневник запись из блокнота, сделанную вчера прямо у подножия Нерли.

В остановившемся знойном, медового настоя воздухе висают жаворонки. Их еле слышная дрожащая струна – музыка Нерли. И цветы плывут перед глазами разноцветными волнами. И светлое опьянение наступает в мире от тишины, солнца и медовых запахах поймы. Но это еще не Нерль. Это предчувствие, предвестие Нерли.

А она сама проступает вдали из воздушного марева, и над светло-серым ее куполом все идут и идут облака. Она все ближе, ближе. Она растет на глазах, прорастает над водами, опрокидываясь в них зеркальным отражением. Прорастает, как дерева. Как трава. Как цветы. Тянется к облакам, привстав на цыпочки, светлая, в сером платочке. О чем думает, что помнит она, видевшая низкорослых коней Батыя, принявшая пламя, пепел и ветер восьми столетий?

Нерль нерукотворна. Она возникла из тишины и света. Она вся светится изнутри. Когда зашли внутрь, там – ничего. Только выбеленные, залитые светом стены. Идущий ниоткуда свет. Такое ощущение. Кажется, что он не проникает сюда через бойницы-окна, а здесь и рождается, впитывается стенами и вновь излучается ими через окна во внешний мир. И там он омывает святые лики и мудрых волшебных львов на белокаменном фронтоне.

Очарование Нерли – одно из самых светлых воспоминаний, которое можно подарить человеку у нас на Земле. Я хотел бы родиться в таком месте и потом, когда тяжело, приходиться сюда, к этим цветам, облакам, к этим мудрым белокаменным львам, как приходят к родникам детства, – для исповеди и покаяния.

Тут кончается блокнотная запись и продолжается дневник. Первое, чем меня поразила вчера ведущая к храму дорога, – это пойма, вся в солнечном разнотравье и разноцветье. Розовые полевые гвоздики, васильки, белая кашка, какие-то мелкие желтые цветы с сильным медовым запахом. И, конечно же, ромашки, много ромашек. Они были повсюду – и на подступах к Нерли, и потом, когда к вечеру уже вернулись во Владимир, – цвели у стен Успенского и Димитровского соборов. Когда вчера, поздней ночью уже, засыпал в своей подмосковной Лобне, перед глазами стояли эти ромашки, и думалось о них, как о живых существах: как им там, под звездами владимирского неба, рядом с другим живым существом – похожей на девочку-невесту Нерлью?

*Ромашки, судьбами какими,
Кем вы дарованы земле?
Я вам открою ваше имя,
Как сон, потерянный во мгле,
И эту былль, и эту небыль,
И эту неподвижность вод...
От звезд дымящееся небо
Над вами, спящими, встает.
У горизонтов непочатых
Спят, не родившись, миражи,
И чья-то смерть уже зачата
Под синим облаком во ржи.
И смертны сумрачные тени
Черемух, и неясен гром.
Но где-то начато движенье
На перепутье вековым.
И там, в туманной колыбели,
На грани лета и весны,
Светает Нерль, и светом Нерли
Лука вокруг напоены.
Там куполов немые главы,*

Там стоязычиём листьвы
 Шумят леса, восходят травы,
 Спят белокаменные львы.
 И, просыпаясь в мире этом,
 Мы вспоминаем странный сон:
 Клубами атомного света
 Полночный город озарен.
 Земля, от топота тупая, –
 Вторым пришествием орды,
 Холодным потом проступает
 Слеза неведомой звезды.
 Святые лики озверели,
 Хохочет жертвенный огонь
 И лижет белый камень Нерли,
 Как тело девочки нагой.
 И горизонт в крови... И кони...
 Набат на звонницах гудит,
 И с Володимирской иконы
 Печально Женщина глядит.
 Но сон уйдет. Мы станем старше.
 Мы опускаем на весы
 Букеты утренних ромашек
 В холодных жемчугах росы.
 Мы возвращаем постепенно
 Себя минутам и часам.
 А по ступеням, по ступеням
 Сбегают девочка к цветам,
 Смеется девочка босая,
 Бросаясь в солнечный поток,
 И, ничего не понимая,
 Кусает тонкий стебелек.

Откуда эта трагическая нота в стихах о первой моей встрече с Нерлью, светлой, солнечной, отрадней? Из почти одновременно увиденного «Рублева» Андрея Тарковского, в первых кадрах которого, между прочим, тоже Нерль. Девочка Нерль, бросающаяся в солнечный поток, – и это тоже от Тарковского. От звучащего – после обета молчания! – потока рублевских красок-самоцветов в финале фильма.

4 августа 1970 г. Вторник.

Тане

Сбежав от куполов и колоколен,
 И светом став, и светлым
 звуком став,
 Таишься за туманами, доколе
 Роса не упадет с запястий трав.
 И вдруг потом откроешься, такая,
 Что мне теперь навек предreshено,
 По свету заколдованно плутая,
 К тебе одной вернуться все равно.
 И сквозь туман, что над рекою вырос,
 Смотреть, как ты светаетшь впереди.
 О, Нерль моя, укрой меня от мира,
 И вновь открой, и к людям приведи.
 От городов, отравленных бензином,
 Где травам больно сквозь асфальт
 расти,
 Дай прикоснуться к родникам
 глубинным,
 Глубинное дыханье обрести.

Листву, отяжелевшую от зноя,
 И душный мир в предчувствии грозы,
 И небо воспаленно голубое
 На застекленных крыльях стрекозы
 Перечеркни. И пусть забудусь я
 В прохладном зацветающем ополье,
 Где сказка начинается твоя
 За деревянной присказкой околиц.
 Ты помолчи над спящим надо мной
 Березкою, отбившейся от роицы, –
 Пусть воды отражение полоирут,
 Как белый плат, как полог неземной, –
 И разбуди. Стряхнув немые сны
 И бурю выбирая в побратимы,
 Мне не забыть: она необратима,
 Неотвратима, память тишины.
 О, Нерль моя! Сквозь реактивный гром
 Всё мнитесь мне на аэровокзалах,
 Как ты в цветах на цыпочки привстала
 В безмолвном просветлении своем.
 Мне не забыть: в твоей рассветной
 мгле

Медовый ветер лепестки листает
 И жаворонка песня зависает
 Над путником, идущим по земле.

24 марта 1978 г. Пятница. Все не уходит из памяти недавняя, но еще зимняя, вечерне-ночная поездка к Нерли. Ощущение чего-то хрустально-лунного, прекрасного и такого незащищенного в нашем суровом мире. Ну прямо вся она из «Лунной Нерли» Андрея Вознесенского:

Есть церкви – вроде тыков и палиц.
 А Нерль прозрачна без прикрас.
 И испаряется, как парус,
 И вся сияет – испаряясь.

Или это стихи – все из реальной Нерли, которая – именно вот такая – все не гаснет в моем сознании?

Хрупкость, полная беззащитность утонченных творений искусства, архитектуры, таких, как храм Покрова на Нерли, перед ледяными пургами и огненными

протуберанцами человеческой истории и в то же время их неистребимость на Земле занимали меня сизмалства. Культура требует защиты не только потому, что она безоружна перед веками первобытной дикости и братоубийственных войн. Она нуждается в защите еще и потому, что является странным, внешне необязательным, утилитарно не нужным цветком среди сурового человеческого бытия. Если уж саму жизнь на Земле некоторые ученые полагают явлением удивительным, возникшим в силу какого-то фантастического, случайного, с бесконечно малой долей вероятности, стечения обстоятельств, то рождение и произрастание культуры уж совсем удивительно в лоне этой жизни с ее борьбой за самосохранение на голых камнях.

Где уж на этих камнях расцвеств хрупким, утонченным цветам культуры? А между тем она проступает сквозь холодное оцепенение камня уже в самых древних наших храмах и крепостях. Эти крепостные стены, эти башни, эти увенчанные луковичными и шлемовидными куполами церкви – тоже ведь великая культура, на фундаменте которой, на перекличке крепостей и храмов, возвысится затем до духовных вершин искусство Феофана Грека и Рублева, Дионисия и Холмогорца, зодчих владимирского Покрова-на-Нерли и московского Покрова-на-Рву, который народ переименовал в Василия Блаженного, автора «Слова о полку Игореве» и проповедей Аввакума.

Так что при видимой случайности, хрупкости культуры в историческом движении человеческих сообществ от дикости к гуманизму есть для нее и неочевидная, но глубинная первооснова, делающая культуру неизбежным спутником и выразителем этого движения. Путь этот отмечен такими нерушимыми веками, как Библия, как «Махабхарата», «Божес-

твенная комедия» и «Живая этика», в которых одни видят откровения, ниспосланные свыше, другие – вершины духовного самовыражения рода человеческого.

*Нерль исчезает постепенно,
Как в синем сумраке свеча,
И лунной музыкой Шопена
Снега вечерние звучат.
О, руки прадедов, вы мне
Ключи от сказки передали
И Нерль из света изваяли
В нерукотворной тишине.
И свет не гаснет. И незримо
Его столетия хранят
На той Земле, где Хиросима,
На той Земле, где Сталинград.
И в этом мире неспроста
Неодолима красота.*

15 февраля 1991 г. Пятница. Электричка: Владимир – Москва. Возвращаюсь из командировки в Суздаль. Всю неделю моего пребывания там над городом висел спасательный аэростат с надписью «Катастрофы – 91». Местные мальчишки поначалу приняли его за корабль инопланетян, богомольные старушки – за предвестие Апокалипсиса. А это была всего лишь визитка проходившей в местном гостиничном комплексе всесоюзной научной конференции с мрачноватым, правда, названием: «Катастрофы и человечество».

По окончании конференции для ее участников устроили экскурсию во Владимир с заездом к Нерли. День стоял темный. Пронизывающий холодный ветер хлестал по лицу снежными хлопьями. Когда приехали к краю заповедного луга, всех по дороге, проложенной прямо посередине его, стали на лошадках перевозить небольшими группами к храму. Я от лошадок отказался и, как всегда, пошел пешком по тропе у левого края луга. Полузасыпанная снегом, она поначалу,

вроде бы, явственно обозначалась, но в конце вовсе исчезла. Пришлось буквально продираяться сквозь вьюгу, чуть ли не по колено в снегу. Зато на финише – как награда – Нерль. Как всегда, прекрасная, светлая, дарящая надежду.

*Я снова пробивался к Нерли
Через сугробы и метель.
Поля окрестные белели,
И начинался мир отсель,
Я к сердцу подходил России,
И был нелегок тот приход
Сквозь ветропенья ледяные
Землекрушений и невзгод.
А Нерль звала нездешним светом,
Костром невидимым звала
Сквозь кружева хрустальных веток,
Сквозь Китежева колокола
И к правде обращала души,
Спасенью назначала срок.
Она была, как из удушья
Нас возвращающий глоток
Живого воздуха, началом,
Бессмертной искрой бытия,
Что всыхивает под кресалом
Творца и Мастера. Стоят,
И помнят всё немые храмы,
И проступают на заре,
Как вечности кардиограммы
По берегам российских рек.*

30 июня 1994 г. Четверг.

*Я помню: над рекой светали,
Туманы уронив с плеча,
И пойма с ранними цветами,
И храма белая свеча.
И плёса золотую россыпь
Луч обогрил. И в тот же миг
Зажглись испуганные росы
В созвездьях полевых гвоздик.
И, волшебством преображений
Расколдовав и свет, и тень,
Чредой зеркальных отражений
Над Нерлью занимался день,*

*Который нашей жизни равен.
Еще не тронутый косой,
Луг цепенел, смертельно ранен
Седой осколочной росой.
От человеческих толп устав,
Просил прощенья у соцветий
И таял влагой на устах
Зверей, растений и столетий.*

6 января 1996 г. Пятница.

Сочельник.

Мы возмужаем и верней оценим
Простые краски, точные слова.
(Николай Рыленков. «Левитан»)

*В снегах алмазных светится Москва
В ночь накануне Рождества Христова.
И сон сквозь явь мне возвращает снова
Простые краски, точные слова.
И изморозь на утренних стогах,
И церковь, как слезинка на ресницах
России, и золоторунный прах
Бессонных листопадов мне приснятся.
Приснятся на фронтонах Покрова
Святые лики у осенней Нерли,
Сквозящая над поймой синева
И журавли в заоблачной купели,
Неумолимый, плавный их исход
В иные страны, времена и дали.
И странный привкус света и печали
Мой сон исповедальный оборвет.*

7 января 2015 г. Среда. Рождество.

Нерль называют самым красивым и поэтичным храмом на Руси. А по мне – так и на всем белом свете. В нынешнем году ей исполняется 850 лет. Сегодня это действующий храм, где службы чередуются с музейными экскурсиями. Вот так же и его юбилей будет праздником не только Русской Православной Церкви, но и всей отечественной культуры, независимо от наших вероисповеданий и убеждений.

На свидание с Нерлью, после того, самого первого, в день Святой Троицы, я приходил потом много раз. В разные времена года. Однажды, например, «в глухую осеннюю пору» мы странствовали с агитационно-подписной бригадой «Комсомолки» по Вологодской и Владимирской областям и, естественно, заглянули и в гости к Нерли. В ту поездку во время встречи с владимирскими студентами они спросили, какой у меня любимый город. Ответил, что их целых три: Ленинград, Киев и вот с недавних пор – их Владимир. Они приняли мой ответ за неуклюжий комплимент гостя в адрес хозяев: как можно любить город с такой тяжелой, из-за местных заводов, экологией?! Я парировал: а как можно не любить родной город, даже если в нем тяжелая экологическая обстановка? Это их не убедило. Кто-то яз-

вительно заметил: «И дым отечества нам сладок и приятен»?

Как было объяснить им, что я искренне считаю: какое это счастье жить в городе, где в любое время (ну, пусть даже не в любое, а когда Успенский собор открыт для церковных служб и музейных экскурсий) можно назначить самому себе свидание с Андреем Рублевым; где чуть ли не в «шаговой доступности» от тебя восьмое чудо света – храм Покрова-на-Нерли?

Я потом однажды ухитрился даже устроить себе «временную прописку» во Владимире, давшую мне возможность раз в месяц приходить на «тайную» встречу с Нерлью. Тогда на острие общественной и газетной, естественно, «злобы дня» было состояние и воспроизводство «среднего звена» в разных областях нашей жизни – от мастера на стройке до медсестры в больнице. И я предложил взять один из техникумов – любой, наугад, и с периодичностью раз в месяц печатать главы документальной повести о его жизни. Каждая глава – одна проблема, общая для всего среднетехнического образования. Адрес предложил конкретный: Владимирский строительный техникум, поначалу действительно ничего о нем не зная. Просто: специальность поближе к зодчеству. И – рядом Нерль.

Готовя очередную, четвертую, главу «Путешествия в страну Техникум», посвященную Дню открытых дверей в профессию строителя, я попросил легендарного реставратора Алексея Дмитриевича Варганова обратиться к юношам и девушкам, выбирающим профессию строителя, со словом о созидательном смысле их выбора; о том, почему обычному строймастеру и прорабу необходимо знать историю отечественного зодчества.

К этому времени Варганов был уже не только главным архитектором Владимирских научно-реставрационных мастерских, но и известной владими́ро-суздальской достопримечательностью. Солоухин писал во «Владимирских проселках»: «Жена Петра Первого Авдотья Лопухина? Так она же сидела у Варганова в Покровском монастыре». Имеется в виду женский Покровский монастырь в Суздале, куда более чем за два века до проводимой там Варгановым реставрации была сослана опальная царица.

Договорились о встрече в одном из владимирских храмов, который он в это время реставрировал. Придя пораньше, застал его за проведением занятия с учениками, готовящимися стать мастерами по покрытию церковных куполов золотом. Учитель и рассказчик он был отменный. Это я и на себе почувствовал, когда с ним беседовал.

Алексей Дмитриевич, считавший себя учеником Игоря Грабаря, начал тогда свой рассказ с того, что говорил его учитель о **неисчерпаемости** древнерусской архитектуры. Он много раз приезжал в Суздаль и Владимир и подолгу задерживался у «златых врат» суздальского Рождественского собора. И как-то признался: «Удивительно! Знаю тут все наизусть. Но каждый раз замечаю что-то новое».

Причину этой неисчерпаемости Варганов видел в предельной согласованности таланта древнего мастера, его чувства меры и красоты с уровнем, так сказать, научно-технического прогресса его времени: «Художественная ценность произведения любой эпохи определяется не столько абсолютным уровнем знаний, сколько единством знаний, воплотившихся в произведении, будь то дом или поэма.

Уровень знаний народного мастера может быть невысок, но все, что его окружает, как творение его рук, как искусство, – прекрасно, потому что находится в единстве. Таким же единством знания, искусства и его форм было классическое искусство Греции и древнерусское искусство. Произведения человеческих рук были прекрасны тогда, когда они были суммой всех знаний своего времени и были на уровне своего времени. Когда я вновь и вновь вглядываюсь в храм Покрова на Нерли, то вспоминаю эту ключевую мысль из книги Андрея Бурова «Об архитектуре»».

А кончил он примером, связанным и с темой нашей беседы, и с судьбой Нерли. Общеизвестен случай, когда в XVIII веке ее чуть не разобрали по камешкам. Вот как об этом повествует Николай Воронин в своем известном путеводителе по владими́ро-суздальским краям: «...в 1784 году игумен Боголюбова монастыря просил разрешения... на разборку храма Покрова на Нерли на материал для строительства монастырской колокольни. Он получил это разрешение от духовного

начальства. Но не успел разрушить храм лишь потому, что не сошлись в цене за разборку с подрядчиками!».

Ослучае, про который рассказал мне Варганов, я слышал впервые. Уже в советские годы прокладывали в этих местах не то ЛЭП, не то шоссе. И проектировщик прочертил трассу по прямой линии так, что она прошла через храм Покрова-на-Нерли. Уже направили было для его сноса бульдозеры – или какая тогда для этого была техника? Но дорогу им преградили люди. И среди них не только реставраторы, музейные работники, краеведы, но и местные учителя, врачи, рабочие и селяне. Начальство одумалось и повелело проектировщику сделать на чертеже зигзаг, огибающий храм.

И вот что, между прочим, интересно: этот прямолинейный проектировщик, чуть было бездумно не стерший с лица Земли одну из бесценнейших жемчужин ее мирового наследия, не был по натуре ни зловредным геростратом, ни активным воинствующим безбожником. В институте его просто не научили уважать историю и культуру своей страны.

Почти полвека (без двух лет) прошло со дня моего открытия Нерли. При самой первой встрече с ней я записал в блокноте: это место, где я хотел бы родиться, чтобы всегда возвращаться к нему, как к родникам детства. А в молодости, опять же по наивной, щенячьей (само)уверенности в симметричной закольцованности человеческой жизни, писал даже:

*Развейте мой пепел
Над поймой цветов золотых,
Где тихая Нерль
В берегах незаметных струится...*

Теперь, когда могила мамы в подмосковных (и даже ставших вдруг в одночасье московскими) Ракитках, все эти романтические «декларации о намерениях» теряют смысл. Но вот если бы места своего рождения мы выбирали сами, я бы по-прежнему выбрал Нерль.

Дмитрий Шеваров

Стал иноком в четырнадцать лет

Секретно. 47-а

экз. № 1

ПРИКАЗ

ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ КАДРОВ

МИНИСТЕРСТВА ОРУЖИЙНЫХ СИЛ СССР
по личному составу Армии

„17“ июня 1946 г.

№ 01464.

г. МОСКВА

Ниже по именованный офицерский состав, пропавший без вести в боях против немецко-фашистских войск, исключается из списков Красной Армии:—

1. Старший лейтенант ИЗВЕКОВ Сергей Михайлович — командир роты 702 стрелкового полка.
Пропал без вести 26.8.43г.
Список вх. № 049748.

Старший лейтенант Сергей Извеков

В этом году исполняется 105 лет со дня рождения патриарха Пимена и 25 лет со дня его кончины

Я крестился в 1993 году, три года спустя после кончины патриарха Пимена. Был дождливый летний день. Но как только Троица свершилось, брызнуло солнце.

Помню, крестика у меня с собой не оказалось (ведь еще утром того дня я не знал, что буду креститься!). Деревенский батюшка вынул из шкатулки и разложил передо мной несколько крестиков: «Выбирай».

Рука сама потянулась к простому медному крестику. Впрочем, он оказался не так и прост: с внешней стороны был покрыт зеленой эмалью, местами отвалившейся, а с внутренней виднелась выпуклая таинственная монограмма «ПП», увенчанная, как мне тогда показалось, короной.

Я вопросительно посмотрел на батюшку. Он объяснил, что крест отчеканен при патриархе Пимене, поэтому на нем и стоит монограмма «ПП», увенчанная митрой, а вовсе не короной.

С тех пор имя патриарха Пимена стало мне родным. Я пытался найти хоть какую-то литературу о его жизни, но оказалось, что, кроме разрозненных и часто противоречащих друг другу публикаций, никаких фундаментальных и достоверных исследований о нем нет. Пожалуй, из всех предстоятелей Русской Православной Церкви XX века патриарх Пимен оказался в самой густой тени. Вспоминают о нем очень редко.

Может показаться нам странным, но этот человек, находясь на вершине церковной иерархии, сам стремился оставаться в тени. Таково, очевидно, было его истинно монашеское устройство. Круг общения его был неширок, прямых оценок он сто-

ронился даже в тех ситуациях, когда его буквально припирали к стенке (вспомним «Великопостное письмо» Александра Солженицына, направленное патриарху в 1972 году).

Даже те, кто много лет находились рядом с патриархом, знали о нем крайне мало. Например, только через годы после его ухода выяснилось, что патриарх всю жизнь писал стихи. Большинство стихотворений до сих пор не опубликованы по одной лишь причине: они очень неприятные, скромные по литературному исполнению. Чем-то напоминают монашеские четки. Такие же пространные и монотонные. Кто знает: быть может, для человека, облеченного огромной властью и ответственностью, сочинение стихов было сокровенной отрадой в редкие минуты отдыха?

Из всех поэтических опытов патриарха Пимена православным известен лишь сочиненный им монастырский напев, посвященный сестрам Пюхтицкой обители:

Есть в далекой земле небольшой монастырь, посвященный Владычице Деве; закаленный в духовных трудах богатырь сохранился до нашего времени...

Как и все другие стихи патриарха Пимена, этот напев чрезвычайно благостен, миролюбив и сентиментален. Ничто в нем не напоминает о том, какой была реальная жизнь автора: три ареста, три ранения на войне, глубокое одиночество...

Война застала будущего патриарха в Средней Азии. Тогда никто, кроме самых близких, не знал его монашеского имени, не ведал, что постриг он принял в четырнадцать лет. А в миру его звали Сергей Михайлович Извеков. Он работал препода-

вателем и завучем Андиганской школы № 1 и одновременно учился на литературном факультете Андиганского вечернего педагогического института.

В июне 1941-го Сергей Извеков окончил первый курс. Через два месяца его вызвали в военкомат и направили в пехотное училище. Спустя полгода — ускоренный выпуск, а в мае старший лейтенант Извеков в должности помощника начальника штаба по тылу 519-го стрелкового полка уже участвует в Харьковской операции, которая завершилась для нас огромными потерями.

29 июля 1942 года Сергея Извекова ранило, четыре месяца пролежал в госпитале, после чего был назначен заместителем командира роты 702-го стрелкового полка.

Менее чем через год, 16 апреля 1943 года, — тяжелая контузия. Высокий широкоплечий старший лейтенант Извеков в момент бомбардировки прикрыл собой своих солдат. Они были вместе погребены под грудой кирпича. Только на третий день их нашли и откопали. Последствием этой контузии стал туберкулез позвоночника.

Вскоре Извекова назначают командиром роты. 26 августа (по другим данным 28 июня) 1943 года — новое ранение. В родном полку Извекова сочли пропавшим без вести.

Лечился тайный монах в столичном госпитале, был комиссован и в надежде, что удастся осуществить свою заветную мечту — служить Господу, остался в Москве. 29 ноября 1944 года отца Пимена задержали за нарушение паспортного режима, обвинили в уклонении от армии «под видом служителя религиозного культа» и приговорили к заключению в исправительно-трудовой лагерь сроком на... десять лет.

В центре – Патриарх Московский и всея Руси Пимен (Извекон). По левую руку от него: митрополит Ленинградский Алексий (Ридигер), будущий преемник Предстоятеля; митрополит Славянский и Донецкий Леонтий (Гудимов); по правую руку: митрополит Никодим (Ротов), митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий (Поярко) и митрополит Рязанский и Касимовский Симон (Новиков). 1970-е годы

Полгода отец Пимен работал фельдшером в Воркуте на шахте «Капитальная». Но тут пришла Победа, и его, как участника войны, освободили по амнистии. А в армии его по-прежнему считали пропавшим без вести. Сохранился приказ главного управления кадров Министерства Вооруженных Сил СССР от 17 июня 1946 года, согласно которому «исключается из списков Красной Армии... старший лейтенант Извекон Сергей Михайлович – командир роты 702 стрелкового полка. Пропал без вести...».

Лейтенант Сергей Извекон в ту пору действительно уже пропал, зато в Благовещенском соборе Муроме появился иеро-

монах Пимен. Возможно, он знал об этом недоразумении, но не спешил его опровергать. Сокряться от власти, затеряться – это было естественным стремлением каждого, кто уже претерпел от государства. Куда уж дальше! Спустя одиннадцать лет (!) после окончания войны ретивые чиновники из военного ведомства вновь принялись за поиски. Но не для того, чтобы «награда нашла героя». Сюжет розыскного письма иной: поскольку старший лейтенант Извекон оказался в живых, необходимо установить его местонахождение «для решения вопроса о взыскании с виновных незаконно выплаченной пенсии». К тому времени

отец Пимен был уже архимандритом и наместником Свято-Троицкой Сергиевой лавры.

Впоследствии с отца Пимена были сняты все обвинения, ему не только вернули прежнее воинское звание, но и присвоили новое – гвардии майора, а также вручили удостоверение ветерана войны.

Сохранился уникальный документ об исключении его из списка погибших: «Причина выбытия: жив».

А в молитве святой вспоминайте меня, просит так вас собрат ваш убогий, чтоб от всякого спас и меня он огня, от греха вывел в берег отлогий...

Сдавали Патриарху фильм...

В начале 70-х мне случилось участвовать в работе над документальным фильмом по заказу Русской Православной Церкви. Готовую ленту, как водится, предстояло предварительно показать заказчику, выслушать замечания, внести поправки. На студии сказали, что принимать наш фильм будет сам патриарх Пимен. Вся съемочная группа (и я не составлял исключения) волновалась. Но не в связи с предстоящим высоким визитом, поскольку мы все тогда еще были далеки от веры. Нас заботило другое: много ли будет поправок, уложимся ли в график?

К назначенному часу во двор Центральной студии документальных фильмов въехал черный автомобиль, кажется «Волга». Из него вышли два немолодых человека в церковном облачении. Это были Патриарх Московский и всея Руси Пимен и митрополит Коломенский и Крутицкий Ювеналий. Директор картины протянул студийной охране выписанные заранее разовые пропуска, и мы все поднялись в лифте на третий этаж, где был просмотровый зал.

Сдача прошла нормально: были высказаны кое-какие пожелания, сделаны уточнения. Все очень спокойно, доброжелательно,

даже с любовью. Мы к такому общению, честно говоря, не привыкли. После этого высокие иерархи так же тихо и неторопливо покинули студию. На вопрос, когда показать им поправленный вариант, услышали: «А зачем? Вы же сказали, что все учтете».

Они ушли, а вот ощущение соприкосновения с чем-то надежным, строгим и очень добрым – это ощущение оставалось еще долго. И еще, что совсем может показаться не к месту, – словно мимо тебя проплыл в даль светлую прекрасный белый корабль, а вот ты на берегу.

В моем каждодневном утреннем молитвенном правиле есть так называемый афонский синодик – братья Свято-Пантелеимонова монастыря. Одним из них я прошу Господа даровать здравие и спасение, другим – жизнь вечную, где «несть печали, бед, болезней и всякого зла». Среди последних поминаются имена российских предстоятелей церкви и государей. Когда мы сдавали тот документальный фильм, мог ли я хотя бы помыслить, что спустя четыре десятка лет буду по утрам молиться Господу и помянуть почившего патриарха Пимена...

*Павел Демидов,
член Союза кинематографистов России*

Романтик с душой христианина Архитектор Михаил Быковский

К началу XIX века, за семь столетий своей насыщенной и бурной истории, Москва выгорала семь раз: 14 июля 1445 года, 28 июля 1493 года, 21 июня 1547 года, 24 мая 1571 года, 3 мая 1626 года, 29 мая 1737 года. И 8 сентября 1812 года. Последний пожар был особенно масштабен и разрушителен. Погибло много храмов, дворцов и особняков. Архитектурному облику города был нанесен непоправимый урон.

Не пощадил огонь и Иоанновский монастырь на Кулишках (ныне Московский Иоанно-Предтеченский ставропигиальный женский монастырь). Древнюю обитель различные источники связывают с именами великих князей Ивана III, его сына Василия III, а то и княжны Елены Глинской, второй жены Василия III, матери первого русского царя Ивана Грозного. Особой миссией насельниц Иоанновского монастыря и при Рюриковичах, и при первых Романовых были молитвы о благополучных родах великих княгинь. И именно этот монастырь суждено было восстановить в середине XIX века герою нашего повествования, замечательному московскому архитектору Михаилу Быковскому.

Свои творческие идеи и замыслы искусный зодчий воплотил в стиле неоренессанс, который вместе с неоготикой, псевдорусским и неовизантийским стилями составляет основу историко-эkleктического направления в русской архитектуре. Главный храм Иоанновского монастыря – большой однокупольный собор Усекновения главы Иоанна Предтечи – своими очертаниями напоминает знаменитый флорентийский собор Санта-Мария-дель-Фьоре. Возвышенный и вдохновенный дух итальянской архитектуры был близок Быковскому. «В Италии, – пишет он в одном из писем к жене, – чувствуешь какое-то обновление духа, здесь перерождаешься, душа и мысли делаются возвышен-

нее, кажется, весь дух человека приготавливается к самобытности, чувство подражания совершенно исчезнет. Здесь должно узнавать великое назначение искусства!».

Быковский активно использовал в своей работе достижения южно-европейской школы зодчества, последовательно развивая ее и бережно перенося на отечественную, северную почву. К периоду восстановления Иоанновского монастыря Михаил Быковский был уже зрелым архитектором. А начиналась его карьера в далеком 1816 году с учебы у знаменитого Доминико Жильярди.

Учеником талантливого швейцарского архитектора, работавшего в Москве, Доминико Жильярди, наш герой стал, когда ему было 14 или 15 лет. Возраст, вполне подходящий для того, чтобы одаренный Богом подросток начал восхождение к вершинам своего профессионализма. Его наставник Доминико Жильярди, которого в Москве на русский манер прозвали Дементием Ивановичем, в свои зрелые годы стал знаменитым строителем Златоглавой, одним из самых выдающихся представителей блестящей школы Казакова, создавшей тот московский ампириный стиль, произведениями которого мы восхищаемся поныне.

Архитектурная семья швейцарцев Жильярди открыла не одного талантливого русского зодчего. Афанасий Григорьевич Григорьев, Евграф Дмитриевич Тюрин, в

М.Д. Быковский

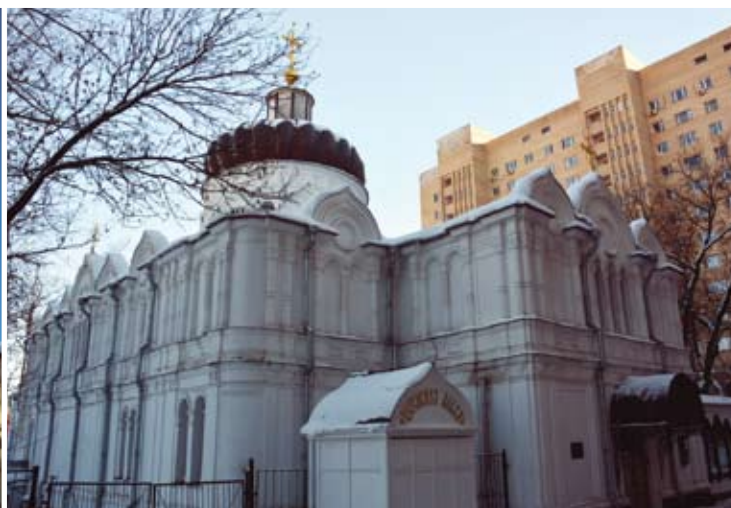
эту плеяду вошел и Михаил Доримедонтович Быковский. В 1817–1823 годах он помогал Жильярди при строительстве подмосковных усадеб Кузьминки, Останкино, Гребнево. С каждым новым проектом совершенствовался и мужал талант молодого зодчего. При содействии Жильярди в 1820-е годы вокруг Быковского сформировался значительный круг частных заказчиков, среди которых выделяются аристократические фамилии Орловых, Паниных, Орловых-Давыдовых.

С 1823 года Быковский преподает в Московском дворцовом архитектурном училище. В 1829-м по представлению Жильярди Императорская академия художеств заочно зачислила Михаила Доримедонтовича в соискатели звания академика (в те времена – начальный ранг квалифицированных архитекторов); академиком он стал в 1831-м, защитив конкурсный проект и получив право на стажировку в Европе.

По возвращении на родину Быковский принял пост архитектора Приказа общественного призрения, ответственного за больницы, богадельни, аптеки и приюты Москвы. В 1847 году он также вступил в должность архитектора Воспитатель-

Собор Иоанновского монастыря

Храм прп. Алексия, человека Божия

Здание Московской биржи

ного дома. Среди гражданских построек М.Д. Быковского 1830–1840-х годов – знаменитый в будущем дом № 37 на Шаболовке, в ту пору – Варваринский сиротский приют. Быковский расширил построенный Д. Жилярди и А.Г. Григорьевым Опекунский совет на Солянке, выстроил Гориховостовскую богадельню на Калужской площади, Московскую биржу и много других зданий, которые, увы, не сохранились.

У Н.В. Гоголя есть статья «О архитектуре нынешнего времени». Как принадлежащая перу подлинного гения, она не утратила актуальности и сегодня. «...Мне всегда становится грустно, когда я гляжу на новые здания, беспрерывно строящиеся, на которые брошены миллионы и из которых редкие останавливают изумленный глаз величеством рисунка, или своевольною дерзостью воображения, или даже роскошью и ослепительною пестротой украшений. Невольно втесняется мысль: неужели прошел невозвратно век архитектуры? <...> Не хотелось бы убедиться в этой грустной мысли, но всё говорит, что она истинна. Они прошли, те века, когда вера, пламенная, жаркая вера, устремляла все мысли, все умы, все действия к одному, когда художник выше и выше стремился вознести создание свое к небу, к нему одному рвался и пред ним, почти в виду его, благоговейно подымал молящуюся свою руку. Здание его летело к небу; узкие окна, столпы, своды тянулись нескончаемо в вышину; прозрачный, почти кружевной шпиг, как дым, сквозил над ними, и величественный храм так бывал велик перед обыкновенными жилищами людей, как велики требования души нашей перед требованиями тела... Была архитектура необыкновенная, христианская, национальная для Европы – и мы ее оставили, забыли, как будто чужую...».

Примеряя сии строки к творческому кредо Быковского, невольно думаешь: а не

по этому ли «учебнику архитектуры» выстраивал свои воззрения Михаил Доримедонтович? Ведь он мог бы остаться всего лишь квалифицированным городским архитектором, преуспевшим в возведении социальных, административных и хозяйственных зданий, однако так не случилось. Творческая натура Быковского, его проницательный ум покоились на твердом фундаменте христианского верования, что и делало их столь созвучными мыслям великого писателя.

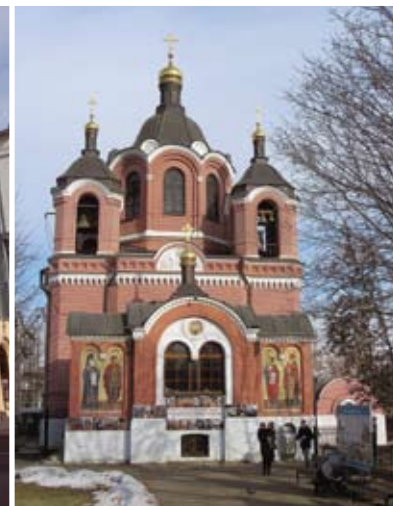
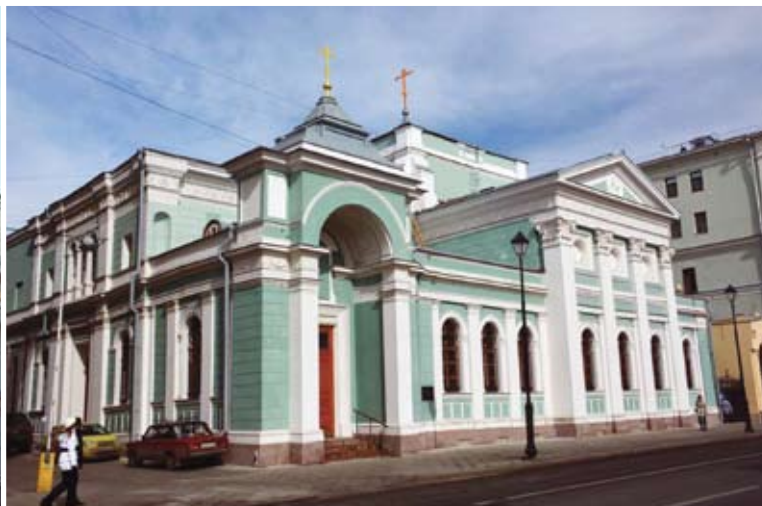
Поиски новых эстетических смыслов и профессиональные устремления Быковского позволяют говорить о нем как о большом патриоте и глубоком христианине. Он предлагает строить архитектуру национальную, русскую. И вот в Москве и ее ближайших окрестностях появляются церковь Алексия, человека Божия, в Ново-Алексеевском монастыре, храм Троицы Живоначальной на Грязех у Покровских ворот, собор Усекновения главы Иоанна Предтечи в Иоанновском монастыре, колокольни Страстного и Никитского монастырей, церкви в Зачатьевской, Покровской, Спасо-Бородинской обителях, храм иконы Божией Матери «Знамение» в Ховрине, что нашим прихожанам особенно дорого и приятно. В этих сооружениях воплотились и широта художественных взглядов архитектора, и его незаурядная профессиональная эрудиция, и богатство фантазии.

В сборнике статей «Хоругвь» № 7 за 2002 год напечатан очерк И.Ю. Ледовской о судьбе церкви мч. Евграфа, что в Спасо-Андрониковом монастыре. В нем заслуженно много внимания уделяется личности автора, которого называют выдающимся зодчим XIX века. «Быковский был подлинным архитектором-романтиком, стремившимся к уникальным художественным решениям. Непредвзятость и свежесть композиционных приемов и архитектурных форм соединились у Быковского с

интересом к новым темам, входившим в 1830–1840-е годы в русскую архитектуру, к новым пространственно-планировочным решениям. С начала 1840-х годов проектирование храмов становится одной из основных сфер деятельности зодчего». Далее автор очерка пишет: «Созданные Быковским храмы отличаются исключительным разнообразием и не поддаются точной классификации, многообразна и их объемно-пространственная композиция. Особенно трудно отнести к определенному стиливому направлению архитектуры романтизма спроектированные Быковским храмы. <...> В церковной архитектуре Быковский гармонично соединяет национальное направление с мотивами Ренессанса и Византии, готические элементы с русским классицизмом, формы романской архитектуры и древнерусского зодчества. В его церковных постройках нет дробности архитектурного решения, они всегда оригинальны и целостны».

В отличие от многих своих коллег Быковский был истинным архитектором-романтиком, который всегда стремился к самобытности в творчестве. Каждая церковь, построенная по его проекту, впечатляет свежестью и самобытностью замысла. При этом в любой из них читается и угадывается основательная школа, которую прошел выдающийся мастер, проследивается глубокая связь творчества зодчего с лучшими произведениями древних мастеров. Свое профессиональное кредо замечательный русский архитектор Михаил Быковский сформулировал так: «Мы должны подражать не формам древних, но примеру их: иметь архитектуру собственную, национальную, и да проявится настоящий дух нашего отечества и в произведениях архитектуры, и да возвестит она позднему потомству о благоденствии и нравственной силе России».

К сему: ваш Архивариус

Храм Святой Живоначальной Троицы на Грязех

Храм иконы Божией Матери «Знамение» в Ховрине

Виден отовсюду

Русская Православная Церковь и страдание в пору большевизации нашей жизни были понятиями нераздельными. На долю Благовещенского кафедрального собора и Митрофанова мужского монастыря в Воронеже пришлось такие испытания, которые не всякое воображение может представить. В конце 1918 года в опись губсовнархоза была включена серебряная рака с мощами святителя Митрофана, а через месяц с небольшим вскрыты и сами мощи. Летом 1919-го на территории монастыря открыли концлагерь. В январе 1930-го изъяты мощи Святителя и переданы в музей. Тогда же отправлены на переплавку колокола. 1954-й – год окончательного уничтожения обители и всех храмов.

Возведение нового Благовещенского кафедрального собора началось в 1998 году. Сегодня это третий по величине православный храм в России.

Его кресты видны из любой точки города. Вернулась под родные своды и рака с мощами святителя Митрофана.

Книга «Храмы, часовни и приделы церквей России и зарубежья, освященные во имя святителя Митрофа-

на Воронежского»¹ содержит более полутора сотен адресов, и каждый – это, без преувеличения, своя, особая «биография», но в каждой есть общая красная строка – служение Господу.

Не может не щемить сердце вид храма на Ивановской земле, в селе Сидоровское. Прежде здесь стояла деревянная церковь, в которой сорок лет прослужил сам Святитель, тогда еще иерей Михаил. Было там и кладбище, с могилами родителей и жены. Овдовев, Михаил принял постриг с именем Митрофан. Под ним он стал почитаем всем православным миром, и сияние его видно отовсюду. Смотришь на снимок – вот уже и крест на куполе храма. А где крест – там жизнь. Слышен акафист Святителю. Не иссякает святой источник...

Книга полезная, насыщена информацией, выдержана в правилах

жанра. Хочется назвать ее научной работой. Спасибо авторам.

¹ Авторы-составители В.Н. Ряполов, И.Е. Сафонов. – Воронеж: Воронежское областное книжное изд-во им. Болховитинова, 2014.

Где Крест – там жизнь

Хотя бы чуть приблизиться...

Его имя в пору заносить в Книгу рекордов Гиннеса: так долго он выходит на сцену в одной роли. Заслуженный артист России, актер Тверского академического театра драмы **Георгий Николаевич Пономарев** вот уже тридцать лет появляется перед земляками в образе святого – великого князя всея Руси и заступника здешней земли **Михаила Ярославича Тверского**. Могло ли такое пройти бесследно для любого, а тем более для творческого человека? Это интересовало меня прежде всего.

Наталья Лосева

– Я знаю, **Георгий Николаевич**, что князь **Михаил** стал, можно сказать, вашим alter ego, вторым «я». Вы написали о нем и поставили две пьесы. Уже больше двадцати лет возглавляете созданное вами же Общество **Михаила Тверского**. А ведь долгое время это великое имя пребывало в безвестности.

– Кое-что, действительно, удалось сделать, но в целом вы преувеличиваете мои заслуги. Такую фигуру невозможно предать забвению, как невозможно закрыть солнце.

– Я не делаю вам комплименты, но просто излагаю факты, и даже больше для читателя. Меня в первую очередь занимает другое. За эти годы личность князя как-то повлияла на вас?

– А как же! Первое же прикосновение к его судьбе буквально обожгло, открыв глаза на чистоту, мощь и силу духа этого сына нашей земли. Не знаю, сознательно ли или по недомыслию его имя было вычеркнуто из памяти народа. Но когда я это обнаружил, то понял, что мой долг – послужить прославлению имени небесного заступника Твери, да и всех россиян, – святого благоверного князя **Михаила Ярославича**. Роман **Дмитрия Балашова** дал мне основу для инсценировки, а затем и для рождения в 1988 году драматического моноспектакля «**Михаил Тверской**», который я играю и поныне.

– Можно сказать, вы стали с ним одно целое?

– Что вы! Как можно слиться с человеком, которого некоторые считают русским аналогом Христа? Хотя бы чуть приблизиться к нему...

– Аналогом Христа?! Смелое сравнение. Я бы не рискнула.

– И тем не менее. Несколько лет назад меня встретил на служебном входе мужчина. Инженер из Петербурга. Специально приехал поговорить со мной о моем герое. Он-то и сказал мне про русский аналог. И спросил, понимаю ли я, кого играю. И стал проводить параллели между жизнью и смертью одного и Другого. Дискутировать я не стал, но встреча, признаюсь, повлияла на видение мной образа князя как православного человека и как святого. Я вдруг почувствовал, что в один из самых ответственных моментов герой должен, не может не обратиться к Господу. Так в спектакле появилась молитва **Михаила Тверского**, а позже – еще два обращения к Богу.

– К тому времени вы уже были верующим человеком?

– Как вам сказать... Скорее, идущим к вере, да и то ощупью. Ведь еще совсем недавно я был воинствующим безбожником! Получал грамоты за атеистическую пропаганду. Бывал в монастырях только как в музеях. В нашей реальности человек обращается к вере чаще с возрастом. У меня случилось по-другому. Работа над образом **Михаила Тверского**, выход на сцену в этой роли, ответы на вопросы зрителей после спектакля – все это и повлияло на мое мировоззрение. В начале 90-х, когда я уже несколько лет играл князя, вдруг заметил, что все чаще и чаще хожу в храм. Для меня сделалось привычным: «Отче наш, Иже еси на Небесах...». Теперь уже стало забываться: а когда же я впервые при всех в храме осенил себя крестным знамением, когда впервые причастился? Осталось

Георгий Пономарев в роли князя Михаила Тверского

только воспоминание самого момента, ощущение невероятной тяжести руки, которую я поднимал ко лбу. Казалось, не только весь храм – вся Тверь смотрит: что делает этот бывший безбожник?!

– У вас, я знаю, была интересная история со схиигуменом **Иеронимом из Санаксарского монастыря**. Расскажите!

– Я написал киносценарий «У подножия Голгофы». Конечно же, о **Михаиле Тверском**! Сценарии, как известно, пишут, чтобы по ним снималось кино. У меня ничего не получалось. Осенью 1999 года несколько земляков-паломников предложили съездить в Санаксарский монастырь или хотя бы попросить духовника монастыря схиигумена **Иеронима** помолиться, чтобы напечатали сценарий. Не без колебания, без особой надежды я отправил письмо старцу. Вскоре мое письмо вернулось, и на нем три слова: «Обязуюсь молиться. **Иероним**».

– И сценарий напечатали?

– Да, вскоре мне пришло предложение напечатать сценарий в... Москве! Как по волшебству!

– Но фильм так и не удалось снять?

– Не удалось. Хотя уже шла подготовительная работа, съемки не начинались. Я решил сам поехать к отцу **Иерониму** и попросить о том, чтобы фильм все же состоялся. Через некоторое время старца не стало. Но главное, мне выпала величайшая благодать

и честь своими глазами увидеть нимб над головой живого человека. Я помню прекрасно те мысли, что стремительно понеслись в моей голове. Вот за одним этим и нужно было приехать в Санаксар – чтобы воочию увидеть сияние вокруг головы отца Иеронима, чтобы увидеть его глаза, светящиеся воистину небесным светом, и чтобы понять, как надобно играть святого Михаила.

– **Сегодня вы уже можете говорить о себе как о воцерковленном человеке?**

– Я бы предпочел вообще о себе не говорить. Но раз уж вы спрашиваете... Для меня уже давно утренняя и вечерняя молитвы стали более необходимы, чем завтрак или ужин. Канонических молитв я знаю не много. Но дело не в их количестве. Однажды я ощутил, что они служат для меня практическим мериллом совести и самооценки, с одной стороны, и одновременно помогают организации моей повседневной жизни.

Я начал испытывать потребность в этих ежедневных утренних и вечерних беседах со Всевышним. Какими упорядоченными и ясными становились после этого мысли и чувства! Сколько неожиданных решений рождается во время этих молитв!

– **Можете сказать, что в духовном плане дал вам Михаил Тверской?**

– Не знаю, что чувствует подлинно воцерковленный человек, я таковым себя, к сожалению, назвать не могу, а может быть, и никогда не смогу. Но на примере собственной судьбы могу сказать, что во мне постепенно угнездилось понимание того, как человек приходит к вере. У одного, возможно, это страх наказания Божия за грехи; кто-то цепенеет при мысли о встрече со Всевышним перед Его Престолом. Но существует и другой путь. Когда совесть человеческая в поисках смысла жизни, в поисках человечности, добра, справедливости вдруг находит все это

в концентрированном виде в заповедях Христа. И Бог становится ориентиром нравственности не из-за страха наказания, а потому, что мы сами, совесть наша уже не позволяют нам совершать безнравственные поступки. И мы сами себя бичуем в утренней и вечерней молитвах от имени и именем Всевышнего. Не страх того, что я буду говорить перед Его Престолом там, на Небесах, а ожидание той боли в собственном сердце, когда буду смотреть вечером в Его иконные глаза и давать себе слово – и порою в который раз! – что буду стараться не делать того, за что мне именно сейчас безумно стыдно, из-за чего мечется от моего несовершенства моя совесть. И это не страх боли, которая придет к тебе там, – это реальная, страшная боль здесь и сейчас. Не знаю, что конкретно дал мне святой князь, чему научил, но убежден: не будь его в моей жизни, я бы никогда не произнес этих слов.

Страдание как смысл и подвиг

В православной традиции страдание – одно из стержневых содержаний веры, ибо неотделимо от смирения: «...претерпевший же до конца спасется»... (Мф. 10:22). Эти слова Иисуса Христа приносят ответ на главный вопрос земного бытия: ради чего жить? Без них не понять ни сути, ни смысла страдания. Страдание не минует никого. Степень – разная. Как разн и отношение к нему. Иные проживают свою жизнь так, словно только и родились для того, чтобы страдать. Великий князь всея Руси Михаил Ярославич Тверской – один из них.

Памятник благоверному князю Михаилу в Твери. Автор – народный художник России А.И. Ковальчук

Он родился уже наполовину сиротой: отец, великий князь Ярослав Ярославич, не дожил до рождения второго сына. Не застал будущий святой и великого дядю – благоверного князя Александра Невского. Мать княгиня Ксения воспитала сына в духе святой веры. Молодой княжич был благочестиво настроен: любил читать божественные книги, усердно посещал храм. С особенной любовью он относился к нищим и убогим и подавал им щедрую милостыню. Все почитали его не столько за сан, сколько за благочестие и участие к людям. Его воспитателем был и епископ Симеон.

Родившийся в 1271 году, Михаил Тверской разделил тяжелую долю своей многострадальной земли. В первой половине XIII века на нее напали татары, пожгли города и села, избили тысячи людей, многих увели в плен. Обложили народ тяжелой данью. Не меньше было и внутренних нестроений. Князья оспаривали друг у друга право на великокняжеский престол; отправляясь в Орду на поклон ханам, часто клеветали друг на друга.

Двадцати двух лет Михаил вступил в брак с княжной Анной, дочерью ростовского князя Димитрия Борисовича. Вскоре его постигли испытания. Глу-

Благодарный князь Михаил Тверской перед Иисусом Христом

бокой ночью загорелись сени дворца. Люди спаслись, но погибла вся казна. После того князь сильно заболел.

Летописец повествует, что святой князь Михаил был высок ростом, силен и отважен. Бояре и народ его любили. Усердно читал божественные книги, жертвовал на храмы, почитал иноческий и священнический чин. Пьянства не терпел и всегда отличался воздержностью. Он желал иноческого или мученического подвига, и Господь судил ему скончаться мучеником.

В 1304 году князь Михаил Ярославич остался старшим в роде, но его законное право начал оспаривать двоюродный племянник московский князь Юрий Данилович, хотя он и не был старшим в княжеском роде. По обычаю того времени князь Михаил должен был отправиться в Орду получить ярлык на великокняжеский престол. Туда же с той же целью отправился и князь московский. Однако Михаилу удалось сохранить за собой великокняжескую власть. Соперники заключили зыбкий мир.

В 1313 году Михаил отправился к новому хану, Узбеку, за новым ярлыком на великое княжение. Но Георгий продолжал интриговать против него. Он вступил в брак с сестрой хана Кончакой,

па и бояр и сказал им: «Разве не уступил я великого княжения своему сроднику, разве не дал ему я дани? Сколько зла теперь причиняет моей отчизне князь Георгий! Я претерпел все, думая, что беда эта скоро кончится. Ныне же вижу, что они ищут моей головы. Ни в чем не виновен я перед ним; если же виновен, скажите в чем?».

Епископ и бояре в один голос отвечали князю: «Ты прав, князь наш, во всем. Перед племянником твоим ты обнаружил такое смирение... Иди же против них, государь, а мы готовы за тебя сложить свои головы».

Святой Михаил ответил: «Братия! Вам известно, что сказал Господь во святом Евангелии: "...болши сея любве никтоже имать, да кто душу свою положит за други своя" (Ин. 15:13). Ныне нам предстоит отдать свою жизнь за множество народа, плененного и избитого врагами, за жен и дочерей, оскверненных погаными. Если положим душу свою за стольких людей, слово Господне нам вменится во спасение».

Святой князь Михаил собрал полки свои и мужественно вышел навстречу неприятелю. 22 декабря 1317 года войска встретились в сорока верстах от Твери, при селе Бортенева. Произошла

великая битва. Ратники московского князя бежали. Доспехи святого Михаила были все иссечены, но на теле не оказалось ни одной раны. Князь отпустил на волю многих русских пленников. С великой радостью возвратился он в Тверь и горячо благодарил за дарованную победу Господа, Пречистую Его Матерь и святого Архистратига Михаила. А плененного им предводителя ордынцев Кавгадыя пригласил в Тверь, всячески одарил и отпустил домой.

Между тем князь Георгий собрал из новгородцев и псковичей новую рать и двинулся к Твери. Войска встретились на Волге, около Синеевского брода. Святой Михаил не захотел вновь проливать христианскую кровь; князья заключили мир. Святой Михаил даже предлагал князю Георгию вместе отправиться в Орду и там перед ханом ходатайствовать за русскую землю.

Однако князь московский не унимался и продолжал клеветать на своего сродника, и хан потребовал приезда тверского князя в Орду. Его отговаривали дети, жена, бояре, простые люди.

Но святой Михаил с твердостью отвечал: «Знайте, мои дорогие дети: не вас требует хан, но меня; моей головы он хочет. Если я уклонюсь от поездки к хану, то отчизна моя будет опустошена и множество христиан избито, да и сам я не избегну тогда смерти; не лучше ли же ныне положить мне свою душу за многих?».

Князь написал завещание, распределил между сыновьями города княжества и простился с семьей. Полтора месяца пробыл святой Михаил в Орде. Наконец хан Узбек сказал своим вельможам: «Рассудите его с князем Георгием и скажите, кто из них виноват; правого я награжу, а виноватого предам казни».

Невинный страдалец бесстрашно обличал возводимую на него напраслину. Судил его тот самый, отпущенный им из плена Кавгадый, который, видимо в знак «благодарности», постарался донести до хана только неправедные обвинения. Перед вынесением приговора хан решил отправиться на охоту к берегам Терека, в земли Северного Кавказа, приказав взять и плененного князя.

Тягостно было это путешествие для страдальца. Шею пригигала тяжелая колода; каждую ночь туда же заключали и его руки. Одно утешало: к нему были допущены игумен, иереи и сын его Кон-

стантин. Все время пути святой Михаил проводил в посте, каждую неделю исповедовался и приобщался святых Христовых Таин. Благочестивый князь еще смолоду имел обычай каждую ночь петь псалмы Давида. Но так как враги заключили руки страдальца в колоду, то перед ним с разогнутой Псалтирью стоял отрок и переворачивал листы.

Днем он утешал окружающих и старался ободрить их: «Не печальтесь и не скорбите, други мои, не огорчайтесь тем, что тот, которого вы привыкли видеть прежде в княжеском одеянии, теперь закован в колоду. Вспомните, сколько благ я получил в своей жизни, неужели же я не хочу потерпеть за них? И что значит сия временная мука в сравнении с бесчисленными грехами моими? Еще более должен я страдать, чтобы получить прощение за свои грехи. Вспомните, сам праведный и благочестивый Иов, будучи чист, претерпел много страданий. Вас печалит колода? Не скорбите, друзья мои, – скоро ее не будет на вые моей».

Местные жители, аланы, и слуги князя, оставленные при нем, уговаривали его бежать. Князь отвечал твердым отказом: «Я и прежде никогда не бегал от врагов моих, не сделаю сего и ныне. Если я один спасусь, а бояре и слуги мои останутся здесь в беде, то какая мне честь будет за это? Не могу сделать этого. Да будет Господня воля!».

22 ноября рано утром святой Михаил велел совершить заутреню и Божественную литургию. С сердечным вниманием слушал святой князь Божественную службу, сам прочитал правило перед причащением. Благоверный князь исповедался и причастился. Он готовился к смерти, потому что той ночью видел сон, извещавший его о кончине. После литургии князь простился с духовенством, которое было с ним (игумен, два иеромонаха, два священника и диакон): каждого целовал, слезно просил не забывать его и всегда поминать в своих молитвах. Потом позвал к себе сына Константина. Дал ему последнее наставление, как надо держать православную веру, почитать храмы Божии, духовный и иноческий чин, благотворить странникам и нищим. Затем страдалец-князь сделал распоряжение о боярах и слугах, приказывая обходиться с ними внимательно и милостиво. Попросил Псалтирь.

А безбожные убийцы были уже недалеко. Как дикие звери, ворвались они в шатер. Святой в то время стоял на молитве и прославлял своего Создателя. Враги так ударили его о стену, что не выдержала стена шатра. Князь поднялся было на ноги. Тогда толпа набросилась на него, топтала ногами, немилосердно била; потом мытник, по имени Романец, выхватив нож, ударил им князя в грудь и затем вырезал сердце. Так предал в руки Господа святую душу свою страдалец Христов. Мученическая кончина святого Михаила последовала в среду, 22 ноября 1318 года, в седьмом часу дня. К святому телу, положенному на повозку, на ночь приставили двух сторожей, но они, испугавшись, оставили свой пост. А рано утром можно было увидеть: к повозке привязана одна только доска, а окровавленное тело лежит в стороне, раной к земле, причем одетым, хотя его бросили нагим. Удивительно, что в степи рыскало много хищных зверей, но ни один не прикоснулся к святым останкам. Поистине смерть праведников честна; смерть же грешников люта. Виновник гибели князя Кавгадый вскоре был казнен ханом Узбеком.

В ту же ночь многие видели, как два облака осеняли место, где находилось честное тело. Они то сходились, то расходились и сияли, точно солнце. Утром говорили: «Князь Михаил – святой. Он убит невинно».

Тело князя-мученика сперва погребли в Москве, в кремлевском Спасском монастыре. По пути многие местные жители видели то огненный столп, поднимавшийся над местом ночлега, то склоненную над ним радугу, то светлых всадников, скачущих над погребальной повозкой. Один из стражей, занемогши, прилег было рядом с телом святого, но невидимая сила вдруг отбросила его да-

Поклонный крест на Бортеневском поле

леко в сторону. Лишь раскаявшись, он смог подняться и получил исцеление.

Господь прославил Своего угодника многими чудесами. Это и помощь в разрешении недугов молящимся у его гробницы, и прекращение моровой язвы в Твери после обнесения города ракой с его мощами, и незримое заступничество при нападении поляков и литовцев...

Нетленные мощи святого потом покоились в Твери, в когда-то построенном им Преображенском соборе, но после уничтожения храма исчезли. Память благоверного князя Михаила Тверского, великого князя всея Руси, празднуется нашей Церковью 5 декабря.

СКРЕПЫ

Хранение самого себя, внимание к самому себе и рассуждение – вот три добродетели, путеводительницы души.

Авва Пимен

Валентин Курбатов

Господь договорит и обнимет

Детство Дмитрия Шеварова было освещено и освящено Вологдой, ее уютом и покоем. И хоть жизнь увела его потом в Свердловск, а там и во все в Москву, тот детский тон, то любящее объятие доверчивости и света уже никогда не оставляло его. Став сначала хорошим журналистом, а там и прекрасным писателем, он ни на минуту не забывал этого главного тона, научившего, что и «тень может быть светом». Может быть, потому, что там, в этих родных всякому сердцу русских городах, хранящих наше общее детство, мир ближе подходит к ребенку, оказывается перед глазами. Откроешь чью-то калитку – и ты разом в «до вой-

ны», выйдешь во двор – и сразу как-то порознь и вместе услышишь «веселый говор берез, строгую проповедь дуба, испуганный лепет осины», ссору воробьев и ворчание гусеницы, которым ты неуместно захочешь помочь. И небо увидишь так близко, что в него захочется окунуть лицо, и с улыбкой узнаешь, что даже и такое отвлеченное понятие, как благодать, – это легкие облака на теплом закате.

У детства свое летосчисление, и там мы все сверстники: Николенька Иртенев из толстовского «Детства», Никита из «Детства Никиты» другого Толстого, Витька Потылицын из «Последнего поклона» Астафьева. Обыч-

но мы за суетой лет забываем те дни и самих себя, но Господь оставляет малое число людей, которые и взрослыми не покидают государство детей, как Валентин Берестов и Лев Кассиль, Корней Чуковский и Самуил Маршак, Алан Милн и Льюис Керролл, кто таинственными послами приходят к нам с «верительными грамотами» своих сочинений и оставляют калитку открытой, чтобы и мы могли хоть на минуту вернуться и вспомнить себя.

Чудо прозы Дмитрия Шеварова в том, что о чем и о ком бы он ни писал, он торопится обнять мир и человека любовью. Однажды он рассказал, как поразило его замечательное письмо, которое

Дмитрий Шеваров

Тень проходящего Петра

...так что выносили больных на улицы и полагали на постелях и кроватях, дабы хотя тень проходящего Петра осенила кого из них.
Деян. 5:15

Почему-то хорошо представляю, как стремительно шел Петр, рассекая толпу, как люди бежали за апостолом, догоняя его целительную тень и падая в пыль, ложась на песок или на мостовую.

Жизнь Петра представляется теперь сложенной из камня, недвижимой. Про его тень мы давно забыли. Лишь в редкие мгновенья мы вдруг чувствуем: и тень может быть светом. И как же нам хочется тогда хоть на несколько минут удержаться в этой спасительной светотени. А когда проходит время, то мы прижимаемся памятью именно к этим мгновеньям необъяснимой полноты бытия.

Запечатлеть эти мгновенья в слове – напрасный труд, но мы совершаем этот напрасный труд, потому что в нем наше упование, наше сопротивление смерти. Мы верим, что Господь договорит недоговоренное нами, подберет оброненные слова, как собирает Он далекие звуки, гаснувшие в сумерках. И тогда обломки нашей речи войдут в плоть юного, как свежая глина, бытия.

ДОРОГИ

Несколько лет назад в деревню, где мы живем летом, приезжал мой племянник Митя. Племянник то есть. Ему было тогда десять лет. Однажды мы вместе поехали на велосипедах. И там, где дорога сворачивает к соседней деревне, Митя вдруг запел: «Эх, дороги, пыль да туман...». А мы подхватили: «...холода, тревоги да степной бурьян!». И так ладно мы запели – два девчоночьих голоса, один мальчишеский и мой никудышный. Так хорошо нам было тогда, что с тех пор, когда мы вновь проезжаем этим проселком, то ровно в том месте, где Митя запел, мы тихонько затягиваем: «Эх, дороги, пыль да туман...».

АНИЮТИНЫ ГЛАЗКИ

Помню, в конце прошлого лета я забрел во двор маленького старинного храма и присел на лавку у цветника (кстати, вы заметили, что в наших городах полноценные цветники уцелели лишь у храмов?). Никого вокруг не было, потому что и службы в тот день не было. Правда, тут же выпрыгнул из травы рыжий котенок и сел рядом. Котенок умывался, а я смотрел на флоксы – они дробным малиновым цветом горели на солнце.

Потом я заметил, что от флоксов тянутся вверх паутинки – они пронзали кроны лип и мимо колокольни струнами уходили в небо. Это было так непонятно и удивительно – за что же эти паутинки цепляются там, в небе?

Дмитрий Шеваров.
Фото Владимира Ештокина

Иногда с липы падали листья, и котенок бросался ловить их. Потом я заметил, что из зарослей длинноногих флоксов, растрепанных ночным дождем, на меня кто-то смотрит тихо и ласково. Это оказались анютины глазки. Они были любимыми бабушкиными цветами. Она сажала их каждый год на клумбе под окном.

И тут я вспомнил, что на календаре – день, памятный печалью.

Так мы сидели с котенком и анютиными глазками, поминали бабушку, а золотые паутинки тянулись в небо.

ПЕРВЫЙ РУЧЕЙ

Однажды в конце зимы я жил в деревне. По ночам еще морозило. Днем снег так сверкал на солнце, что казалось: вот-вот он начнет таять. Но снег не таял.

в 1913 году отец Павел Флоренский написал Василию Розанову. «Розанов писал отцу Павлу о разных безобразиях, творящихся в Российской империи, о том, что вообще жить невозможно, отвратительно, грязно, страшно и остается только проклинать... На что отец Павел ему ответил: мол, я не хочу ничего знать, не хочу никого судить – на это есть прокуроры, на это есть судьи, а мое призвание оправдывать людей и любить их...». Следом за отцом Павлом Дмитрий выбирает правило «любить и оправдывать» и пишет только «добрые лица» (так названа одна из лучших его книг). И это целое человечество людей всех профессий: Шалва Амонашвили, Симон Соловейчик, Исаак Левитан, Виктор Татарский, Борис Диодоров, Нико Пиросмани, Георгий Свиридов, Булат Окуджава. Да нет, не перечислишь всех их, кто ушел и кто еще рядом и всю работу.

Но и оглядываясь на уже давно минувшие дни, он, следом за Баратынским, слышит в себе «мы те же сердцем в век иной». Те же, те же! Потому ему и отзываются как сверстники в его книге «Двенадцать поэтов 1812 года» и Василий Жуковский, и Денис Давыдов, и Петр Вяземский, и Константин Батюшков, чьим общим правилом было «любить отечество и вечно быть друзьями», и потому знавшие необъяснимую полноту бытия, которой так ищет сегодня наше сердце и которую может найти, только если сумеет «прижаться памятью» к их сердцу, «нравственно обняться» с ними, как писал еще один из его героев, Юрий Казаков. И тогда Господь договорит в читательском сердце то, на что у нас не хватило сил или что не успели сказать мы. «Поэзия, как ангел-утешитель» спасала и вела Шеварова в лучших поэтических ру-

бриках его газетного служения, и в нежных детских книгах, где сиял лампадой «Огонек в золотой шапочке», где было «Хорошо дома...», и в неожиданно сложных замыслах, как в поэтическом календаре, который должен был охватить год с первого до последнего числа. Идея, видно, не раз приходила в голову разным людям, но первое же столкновение стихов под соседними числами смущало их и заставляло отложить замысел. Стихи не выдерживали соседства, схватываясь друг с другом в решительном противостоянии. И добро бы они писались в один год – тогда еще можно было бы вычертить целое (думаю, и сейчас, если попросить разных поэтов написать стихи с 1 января по 31 декабря, то, как бы они ни были бы различны – общность времени непременно держала бы их). А ведь тут должны были быть собраны стихи

Я вышел на берег и сел на перевернутую деревянную лодку. Было так хорошо, так тихо. Вдруг я услышал какие-то хитрые звуки, они шли из-под лодки. Это были еле уловимые переливы колокольчиков. Иногда они сменялись тонким шелестением фольги.

Я встал на корточки и прижался ухом к оттаявшей шелке между сугробом и лодкой и понял, что где-то там, на глубине, течет первый весенний ручей. Еще никому невидимый, он торит себе дорогу, поет, хотя услышать его пока никто не может.

ПАСХАЛЬНОЕ УТРО

Про Пасху нам никто не говорил, но словом *Пасха* дышал весенний воздух, он шелестел и похрустывал, как подарочная бумага. Вот-вот развернется перед тобой что-то такое...

Помню особенное чувство невесомости в теле, необъяснимую радость, витающую меж людей и предметов, между небом и землей.

Собираюсь гулять, дрожа от нетерпения, оттого, что окунусь в свет, как в купель. Воздух во дворе – он не снеговой уже, а травный. Хотя никакой травы еще нет. Только на бугорке в саду, на первом припеке, – свечные огоньки мать-и-мачехи.

В углах двора, в тени еще угрюмо глыбится старый снег. Дедушка берет лопату, раскидывает его по двору, чтобы быстрее стаял.

Скамейка под липой высохла и даже прогрелась, приятно приложить ладонь

к серым, морщинистым доскам. Вот и играем на скамейке, возим машинки туда-сюда, а ветер приятно трогает виски, щеки, хочется дышать глубже и глубже. Хочется стянуть шапку и ловить головой ветер, солнышко.

Кошка пришла на нашу скамейку, растянулась блаженно, пришлось нам с машинками потесниться.

Тоненькие облачка, почти прозрачные, как оренбургские платки, пролетают по синеве неба.

Хозяйки окна моют, туда-сюда створками водят. Солнце прыгает от окна к окну, падает в лужи и отскакивает от них, как мячик.

На огородах костерки занимают. Земля курится. Скоро и яблони задымятся белым цветом.

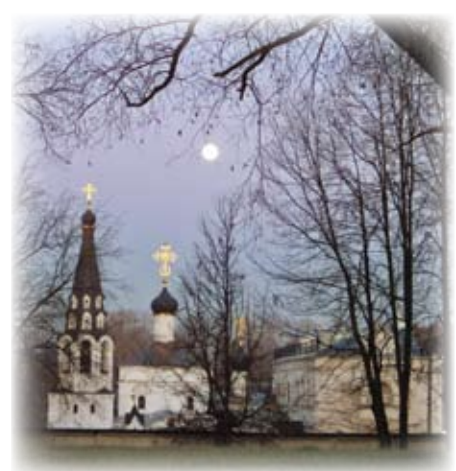
Я ПОШЕЛ ПРОВЕДАТЬ НЕБО

Под калиткой лежит вода, а в ней – небо. Еще пустое, чистое, как холст на подрамнике.

Оно возвращается раньше облаков и птиц. Поначалу просто небо, а потом все остальное: облака, птицы, одуванчики, ледоход...

На земле идет подробная жизнь. Сочится рыхлый снег, опадают последние сугробы, бьются частым птичьим сердечком маленькие ручьи... Но главное происходит в небе. В нем происходит синева.

Как хорошо бы сейчас проведать вологодское небо. Оно совсем не такое, как в Москве. Оно пониже будет. А по цвету – под стать куполам вологодского

Светлая ночь.

Фото Аси Шеваровой (старшая дочь)

Софийского собора, серо-серебристым, полным благородной тишины.

Если забраться на колокольню собора, то небо будет рядом. И видно, что земля похожа на домашний пирог: кругла по бокам и бока пропечены прощальными лучами вечерней зари.

Небольшое небо, а вот тянет проведать. Слышу, будто кто ворчит на меня: «Небо, небо... лучше бы посмотрел, что на земле творится – все не слава Богу».

Но, слава Богу, есть небо.

ЗИМНЯЯ ЛАМПАДА

Фиолетовые тени лежат в поле.

Солнце низкое обходит дозором снежные владения, обманчиво горячо горит в окнах, на куполах, ласкает черно-белые ветви старого дуба. Какая-то маленькая

полтора столетий, когда люди не только глядели в дождливое или морозное окно, влюблялись и разлучались, собирали друзей и славил красоту жизни, но когда шли войны, падали монархии, революции терзали людей.

И хорошо, что составлявший антологию Дмитрий не смутился сложностью времени и не утратил взаимного сопротивления стихов. Может быть, как раз такое сопротивление лучше всего и собирало сердце. Вот для примера первые три дня января – какой взрыв! Поначалу даже остановишься почти в недоумении: как это согласить – нежную молитву Ивана Козлова 1832 года, жаркое личное счастье Натальи Крандиевской, вырванное у революции в 1918 году, и мятушееся в тайной тоске сердце Александра Блока 1907 года («И неслись опустошающие // Непомерные года, // Словно сердце засты-

вающее // Закатилось навсегда»). Привычная иллюстративность календаря была сметена прямо с порога – для того, очевидно, составитель и выбрал из шести стихотворений Блока, подписанных третьим января (какая метель вдохновения несла его в этот день!) самое зыбкое и тревожное.

И стало ясно, что теперь ты уже не забудешься при чтении, что тебе предстоит прожить не год, а век во всем свете и тьме, сомнении и счастье, любви и отчаянии, которые выпадают человеку во всякой долгой истории, а тем более такой беспокойной, как русская. Стихи словно и сами обрадовались неожиданному соседству и заторопились оглянуться друг на друга с какой-то одухотворенной ревностью или желанной близостью и обнаружить божественную драматургию жизни, где улыбка и печаль ходят рядом, а вы-

сокое и вполне общественное чувство нежно и беззащитно соседствует с самым доверчивым.

Последняя по времени книжка Дмитрия, чьи страницы мы предлагаем сегодня читателю, названа строкой Деяний апостолов «Тень проходящего Петра», но мы уже помним его слова, что «и тень может быть светом», и вступим в эту «тень» без страха.

Нет-нет при чтении жесткой нынешней литературы душа потемнеет и поймает себя на мысли: неужели они уже невозвратны – «Антоновские яблоки» Бунина, «Степь» Чехова, «Бежин луг» Тургенева – и неужели нам останутся только расчет и холод? Но разогнем новую книжку Шеварова, увидим на минуту летящую стоймя паутинку, прикрепленную к небу, услышим, как похрустывает, словно подарочная бумага, слово «Пасха», сравним вместе с

птаха вдруг завьется в небе и нырнет под невидимую мне стреху.

Розовеет снег. Тащится рыбак в толстых валенках на резиновом ходу. Дымки белые ветер сносит с севера на юг.

Лампада в такой зимний вечер горит радостно. И тянет долго-долго смотреть на этот свет, не отрывая глаз и души.

ОБЛАКА

Облака плыли, а я стоял на берегу. Они так быстро текли надо мной, подсвеченные солнцем – левитановские, будто только написанные на холсте. Я долго-долго так стоял, задрал голову, окунув лицо в это небо. И если бы мне надо было рассказать кому-то, как выглядит благодать Божия, то я бы сказал, что это летние облака на закате.

ПОКРОВ

В день Покрова Пресвятой Богородицы с утра всегда тихо. Так никогда не бывает – только в этот день. Мороза и снега не было и в ночь. Небо с утра затянуто мягкой поволокой серых облаков и туч.

Богородица наше сердце обволакивает, обнимает тишиной, чтобы оно хоть отдаленно могло почувствовать радость вечной жизни.

ДВЕРЬ

В подъезде моего детства была фанерная дверь. Потянув за ручку, косо, не без изящества, прибитую с внешней стороны, в подъезд легко мог войти и стар и мал. Ручка была теплая, деревянная.

Стоит подержаться за нее – и на душе веселее.

В том доме у нас уже давно никто не живет, но иногда я приезжаю в Вологду и прихожу к нашему подъезду, чтобы просто подержаться за родную ручку. Правда, прикручена она уже к новой, железной двери. Рядом домофон, как везде теперь.

Поезд приходит рано утром, и, когда я подхожу к дому, все еще спят. И это замечательно. Можно спокойно постоять, ощущая в руке тепло старого дерева.

Не знаю, сколько я так стою у закрытого подъезда, держась за ручку. Увидит кто, подумает, что это бомж стоит и держится, чтобы не упасть. Кстати, слова «бомж» не слышал в детстве. А пьяненьких мы любили, потому что они были всегда добрые.

...Тут из соседнего подъезда вышел человек с собакой. Собака зевнула, равнодушно глядя на меня. Потом и человек заметил меня и тоже зевнул. Мне стало неудобно, и я отпустил ручку двери. Посмотрел на наши окна на втором этаже и пошел обратно на вокзал – грустный и счастливый. И чего было в душе больше – грусти или счастья – знал лишь Господь.

ПОРТРЕТ МАЛЬЧИКА С БЕЛЫМ ОТЛОЖНЫМ ВОРОТНИКОМ

На выставках и в картинных галереях нас почему-то больше всего манят к себе портреты неизвестных. «Незнакомка», «Портрет неизвестного в треуголке», «Портрет неизвестной с сыном», «Портрет неизвестной в голубом платье», «Портрет

Старый дом. Рис. Д. Шеварова

неизвестной с цветами в волосах), «Неизвестный в шляпе», «Портрет мальчика с белым отложным воротником»...

Перед этими портретами хочется задержаться, к ним возвращаешься, они что-то говорят нашему сердцу. Этот молчаливый диалог может длиться годами. Возможно, с героями портретов нас роднит то, что и мы для них – неизвестные. Будто на соседних путях встретились два поезда, пассажиры смотрят друг на друга через окошки. Минута, другая – и поезда разойдутся навсегда, умчатся в противоположных направлениях...

СПАСАТЕЛЬНАЯ СТАНЦИЯ

Было это много лет назад. Мы с Натасей были студентами, только пожени-

ним тоненькие облачка, пролетающие по синеве неба, с призрачными оренбургскими платками и пойдем, что опять можно «прижаться памятью» к мгновеньям необъяснимой полноты бытия и «нравственно обняться».

Нетрудно вместе с ним понять, что «запечатлеть эти мгновенья в слове – напрасный труд», но и вместе же приняться за этот напрасный труд «потому что в нем наше упование, наше сопротивление смерти». Давайте вместе с автором поверим, что «Господь договорит недоговоренное нами, подберет оброненные слова, как собирает Он далекие звуки, гаснущие в сумерках. И тогда обломки нашей речи войдут в плоть юного, как свежая глина, бытия». Он знает, что говорит, потому что много лет не уставая пишет «свежую глину бытия», которой при добром взгляде вовек не знать черствости и смерти.

лись и сразу поехали в свадебное путешествие. А путешествие наше состоялось в том, что мы ездили из одного среднерусского города в другой, любуясь стариной и радуясь всему, что встречали в пути.

В один из дней мы оказались на пристани в Тутаеве, ждали возможности перебраться на противоположный берег. Летний день стоял в зените. Мы укрылись от зноя в тени тополей. Это были такие старые деревья, что кора их окаменела, а корни обнажились, поражая своей мощью и запутанностью.

На другом берегу стоял храм, колоколенка сияла свечкой – глаз не оторвать. Над белокаменным крыльцом храма висела какая-то вывеска, а что написано – не разобрать.

Кроме нас, ни древним тополям, ни белой церкви, кажется, никто не удивлялся; люди равнодушно шли мимо с пристани и на пристань.

Скоро к пристани подполз паром, но оказалось, что на нем перевозят только лошадей и коров. А нам надо ждать катера. Утешало то, что билеты для людей были намного дешевле, чем для парнокопытных, – всего по пять копеек. А билеты были серьезные, на них строго и торжественно значилось: «Минречфлот. Волжское объединенное речное пр-во. ПЕРЕПРАВА» – и штамп с датой: «2 августа 1984 года».

Народу на берегу собралось много. Вскоре к пристани подошел маленький катерок с открытой палубой. У трапа

ЧТО ЧИТАТЬ У ШЕВАРОВА

Расскажи мне что-нибудь о пароходах. Рассказы. Журнал «Новый мир» № 12, 1999.

Жители травы. Рассказы. М., «Воскресенье», 2000.

Легко под небесами. Повесть. Журнал «Урал» № 7, 2002.

За живой водой. Рассказы, очерки и повесть «Как милые нас утром провожали». Екатеринбург, «Пакрус», 2003.

Освещенные солнцем. Литературные портреты. М., «Московские учебники», 2004.

Санечка. Рассказ. Журнал «Новый мир» № 12, 2005.

Петрофит. Повесть. Журнал «Дружба народов» № 9, 2009.

Добрые лица. Книга портретов. М., «Феория», 2010.

Хорошо дома. Антология для детей. Минск, издательство Свято-Елисаветинского монастыря, 2010.

Сокровенная тетрадь. Комментарии и эссе. Журнал «Нескучный сад» № 9, 2011.

Тихая пристань. Дневник русской поэзии. Минск, издательство Свято-Елисаветинского монастыря, 2013.

Огонек в золотой шапочке. Рассказы для детей. Минск, издательство Свято-Елисаветинского монастыря, 2013.

Золотая ночь. Антология для семейного чтения. Минск, издательство Свято-Елисаветинского монастыря, 2013.

Двенадцать поэтов 1812 года. Серия ЖЗЛ. М., «Молодая гвардия», 2014.

началась толкучка. Мы приготовились ожидать следующего рейса, но каким-то чудом все разместились на катерке.

Последним на борт вошел босой старик с всклокоченной бородой и мохнатыми бровями. Штаны у него были подвернуты почти до колен, выгоревшая рубаха надувалась парусом. «До чего живописный старик, – подумал я, – просто древняя Русь».

«Не был ли то отец Павел Груздев?» – думаю я сейчас. Недавно, читая книгу про знаменитого старца, я узнал, что именно в ту пору, в начале 1980-х, батюшка жил в Тутаеве. Он не только служил в храме и помогал людям, но и писал стихи для детей. Например, такие:

*Ветер с дуба листья рвет,
дням осенним счет ведет.
На ветвях один листочек,
до зимы один денечек.*

...Мы не успели оглянуться, а катер, маневрируя и отчаянно тарыхтя, чалил к берегу. И можно было разглядеть, что за вывеска над входом в церковь.

Написано там было: «Спасательная станция».

ГЛОТОК СВЕТА

Побежали титры, погасла музыка, и в тишине повисло слово «конец». Потом задрожал и погас экран. Стало так темно, как будто мы упали в черные чернила. Захотелось крикнуть: «Спасите!», но тут

Девушка со свечой. (Вера, младшая дочь). Фото Д. Шеварова

дежурная тетя Шура отдернула тяжелую штору, закрывавшую выход, и толкнула дверь.

С улицы косо хлынул свет, повис ослепительным облачком.

Народ потянулся, стуча по деревянному настилу каблучками, шурша сандалиями и громыхая сапогами. Так, наверное, муравьи по весне, отворив первую дверцу, тянутся к свету из густой темноты муравейника.

Какой бы интересный фильм мы ни смотрели, а все-таки главным счастьем было вот это: выйти на свет Божий из киношной тьмы, зажмуриться от солнца, и, вдохнув осенний или колкий зимний воздух, побежать домой.

Алексей Исаев

Акварель в полутонах белого

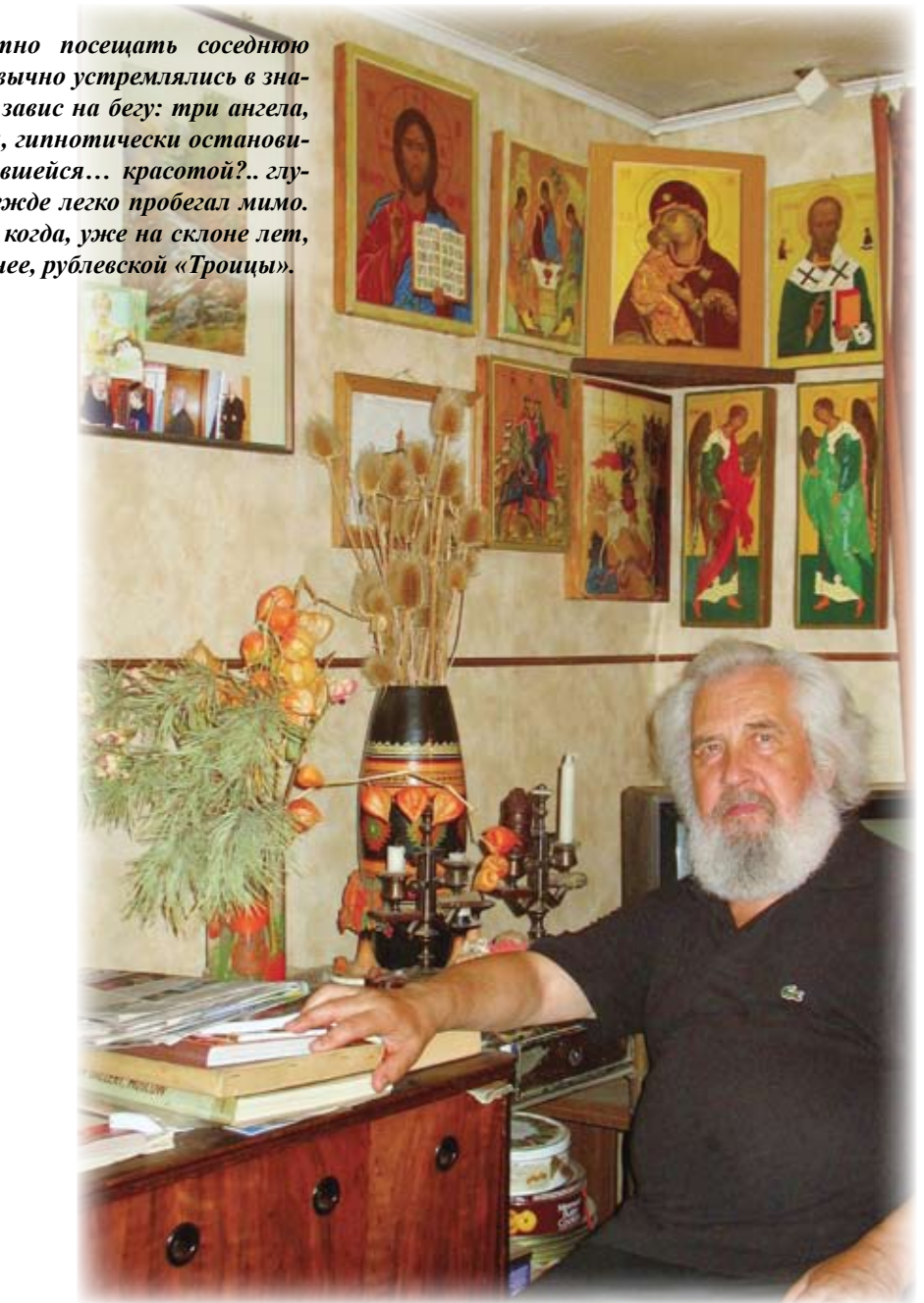
...Учащимся разрешалось бесплатно посещать соседнюю Третьяковку, и в перерывы ребята привычно устремлялись в знакомые залы. Но однажды Юра словно завис на бегу: три ангела, умиротворенно восседавшие за столом, гипнотически остановили его. Ошеломленный внезапно открывшейся... красотой?.. глубиной?.. он не мог понять, почему прежде легко пробежал мимо. Ответ, похоже, пришел много позже, когда, уже на склоне лет, он вдруг взялся за иконопись и начал с нее, рублевской «Троицы».

Опоры и скрепы. Удивил и восхитил меня Юрий Леонидович Семенов, мой старый друг-художник. После долгой разлуки захожу в его скромную студию – пристройку к дачному домику и замираю: подсвеченные огоньком лампадки, из красного угла на меня внимательно смотрят строгие лики, словно вопрошая: кто ты, камо грядеши? Ответом – крестное знамение и низкий поклон всем.

Чувствуется: всем здесь хорошо, никто не в обиде. Хотя и невелик дачный домик, новые «населенники» не только не стеснили хозяев, но наполнили жилье покоем и доброжелательностью. В иконостасе, замечаю, нет случайных образов: Богородица Владимирская, «Троица», Иисус Христос (Спас Вседержитель), Георгий Победоносец, братья Борис и Глеб, архангелы Михаил и Гавриил, Николай Чудотворец и долго не поддававшийся письму Иоанн Предтеча.

Это не просто круг почитаемых: здесь символически собраны те, кто олицетворяет ушедших дорогих людей – отца, мать, брата, других, связанных не только кровным родством. Родительские узы, память предков – важные опоры. Но человеку не менее важны скрепы духовные. Юрий Леонидович не прокламирует свою веру, но ведь так просто не берутся писать иконы...

Прежде он никогда не писал образа. Как и многие другие художники-профессионалы. Вспомним время, в какое жили все мы, кому сейчас за семьдесят, как мне, или за восемьдесят, как Леонидычу. Два с половиной года художественного училища, четыре – службы на флоте, вечерняя школа и художественный факультет полиграфического – все насквозь советское, идейное, коммунистическое... до Бога ли тут?

Юрий Леонидович Семенов

Сейчас Семеновы живут в Подмошье, в получасе езды от столицы на электричке. От платформы до дома пешим ходом с посохом еще почти столько же. Это я к тому, что вроде бы не дальний свет, однако, пустившись на поиски досок для иконного письма, намотался изрядно... Из церковных магазинов вернулся удрученным: доски по стоимости не втискивались в пенсионный бюджет.

Однажды недалеко от дома услышал за забором шум циркулярной

пилы: оказалось, строится сосед. Юрий зашел, объяснил проблему – тот обещал помочь. Вскоре звонит: заходи! Передавая доски, сосед смущенно вынул из папочки фотографию: на Юрия устало смотрела женщина средних лет, безвременно ушедшая. Сын попросил написать ее портрет.

Приступая к работе, Юрий вспомнил и свою маму с ее непростой судьбой и... неожиданно принял смелое решение – покрыть голову матери на

портрете мафорием – темно-вишневым платом, как у Богоматери на известных иконах, а затем позолотил фон. Еще бы нимб – и икона готова. Но такого Леонидыч допустить не мог. Творческая смелость тоже должна знать границы.

Заказчик был поражен: «Я всегда ее видел как святую. Такой мать и была». Юрий Леонидович подсказал, как распорядиться предложенным гонораром: «Зайди в храм, поставь свечку за всех наших матерей. А тебе за доски спасибо»...

Копии и оригиналы. Беседа с другом на интересующую нас обоих тему, я спросил: в чем, мол, для тебя интерес копировать чужие работы? Леонидыч был тактичен, хотя вопрос, чувствовалось, задел его. Словно извиняя мою безграмотность, он терпеливо пояснил, что, во-первых, копирование канонических икон вовсе не предосудительно. В иконописи это целое направление – создание *списков*. И да будет тебе, то есть мне, известно, что список той или иной иконы ничуть не меньшая святыня, чем оригинал. И может обладать не меньшей чудотворной силой. Ведь мы молимся не бездушной доске, а живому существу, святому. А икона – это как мост между нами, между земным и небесным. Но если мост можно построить так или эдак, в иконописи существует твердое правило – канон, от которого отступать нельзя.

Канон каноном, думал я, слушая друга, но художник – это не копировальный автомат. Как быть с собственным творческим «я»? Леонидыч словно проник в мои мысли. И передо мной, можно сказать, распахнулись двери в мастерскую. Прежде чем перенести рисунки на доску, он скрупулезно, дотошно изучал оригиналы. Для этого отправлялся в места их «прописки», если иконы находилась в Москве или в пригороде. Само по себе такое путешествие – уже паломнический подвиг для пожилого и не вполне здорового человека. Но это Леонидыча не останавливало. Бывало обидно, когда иконы не оказывалось на месте или храм по какой-то причине был закрыт. Однако все обычно устраивалось: колоритного странника с сучковатой палкой в руке и сумкой со следами краски порой принимали даже за священнослужителя, но и узнав, что он – богомаз, проникались уважением и открывали двери.

Святая Троица

Подолгу всматривался он в потемневшие от времени образа, словно мысленно расчищая их. Иногда служитель приносил новодельную икону, но Леонидыч без слов отсылал его прочь. Что-то зарисовывал, что-то запоминал. Важно было сохранить все: взгляд, наклон головы, цвет, складки одежды, тени, предметы, порой условные. Это и есть канон. А вот сюжет – не догма, художник вправе разработать свой, лишь бы духовная суть не исказилась.

Юрий с сожалением сетовал: иные лики выглядят мрачнее и суровее, чем надлежало им быть. Греческие изографы, считает он, намеренно придавали гневливые выражения, как бы страшая прихожан муками в потустороннем мире за прегрешения земные. Русские иконописцы более милостивы, они не пу-

гали верующих, оставляя возможность искупления, сеяли надежду и радость. И указывали путь очищения – через уход от мирских соблазнов, через укрепление духа. Сила иконописного образа не в телесной мощи, а в спокойной уверенности взгляда, в котором явно читается стремление помочь человеку изменить свою греховную природу.

Обретение праздника. Леонидыч терпеливо разъяснял мне многое, чего я не знал да прежде и не стремился узнать. Оказывается, православная икона стоит особняком в ряду зрительных образов святости. Яркий тому пример – «Троица» преподобного Андрея Рублева. Ох, не вдруг раскрылась для меня одна из главных ее тайн – «изумительная жизнерадостность» (кн. Е.Н.Трубецкой), долгий путь обретения этого праздника

Пресвятая Богородица

души был назначен мне. Наверное, оно естественно и объяснимо. Вспомним у поэта: «Большое видится на расстоянии». Мой друг и герой очерка художник Юрий Леонидович Семенов тоже прошел по жизни немало «расстояний», прежде чем, подростком получив в Третьяковке удар «Троицей», лишь на исходе седьмого десятка взялся за кисть. Думается, по негасимому зову памяти Юрий Леонидович свою галерею святых начал создавать именно с «Троицы». Не одну ночь и не один день провел он в молитвенно-трепетном средоточении, еще и еще раз пытаясь постичь замысел предтечи русских иконописцев. А как жаждал ответить себе, потеряно ли в оригинале нечто в результате многочисленных поновлений шедевра. Как не хотелось верить иным реставраторам, которые считали, что «от Рублева ничего не осталось».

СКРЕПЫ

*Грехи умножаются
вследствие обилия благ
и исчезают вследствие
скорби и бед.*

*Святитель
Иоанн Златоуст*

В основу *своей* иконы Юрий Леонидович положил, конечно же, творение Рублева, максимально приблизив свой вариант к каноническому. Надо ли объяснять, почему художник был предельно сдержан в собственном творческом полете? Он понимал, чувствовал душой: пишет не картину, но икону, которую еще в 1551 году Стоглавый собор постановил называть (подписывать): «Святая Троица». И никак иначе. Сюжет, восходящий ко временам Ветхого Завета, под кистью преподобного Андрея приобрел неуловимо и необъяснимо настолько русское, православное звучание, что «воспроизвести по-своему» не дано было никому.

Мать и сыновья. Отец Юры носил фамилию Хамов, видимо, происходил из семейства хамов – ткачей. Не от уничижительного прозвища человека грубого, неотесанного идет название старого столичного района Хамовники. Однако это знание – книжное, не каждому знакомое, а по жизни – сплошное унижение. Даже В.И. Даль в своем знаменитом словаре статью «хамъ» начинает с вульгарной трактовки. И лишь в самом конце дает истинный смысл понятия. Вот и решили братья Юра и Володя, женившись, взять фамилии жен. Так Юрий стал Семеновым, а Владимир – Гальдяевым.

Кстати, Владимир Гальдяев – выдающийся художник-график, непревзойденный иллюстратор детской литературы. Рисовать стал, конечно же, подражая старшему брату. Однажды Юра в качестве школьного задания изобразил свежий огурец. Зеленый и в пупырышках, с цветком на пипке. «Хочешь, я его съем?» – отреагировал на рисунок Володя. С того дня и сам стал рисовать. К сожалению, он рано ушел из жизни, можно сказать, умер за рабочим столом. Отказало сердце.

Мама гордилась детьми, делала это по-своему трогательно. Иногда ставила в тупик продавщиц книжного магазина: «Дочка, покажи-ка вон ту книжечку». Полистает, посмотрит рисунки, спросит: «Хорошие картинки?». – «Хорошие», – соглашается девушка. – «Это мой сын Володя нарисовал!». Тут же просит показать другую книжку. «А эту мой сын Юра оформил». Продавщицы, проводив ее, сменяются, крутят у виска пальцем, мол, крыша поехала у

Святитель Николай

бабули: и Гальдяев, и Семенов – все ее сыновья.

...Смотрю на страстотерпцев братьев Бориса и Глеба, восседающих на разномастных тонконогих конях, и на душе становится возвышенно-легко, несмотря на их трагическую судьбу. Очень удалась Леонидычу икона, в ней ни тени печали, ни предчувствия скорой кончины. Образ полон оптимизма, веры в счастливое будущее своей страны. Стало быть, и в твое лично. Кто они, первые русские святые? Вестники, несущие наказ поколениям: все будет хорошо, если жить по-братски. Так, к слову, жили и художники-братья – Юрий с Владимиром. Но до чего порой по краю доводилось ходить! Росли на Самотеке, рядом с легендарной Марьиной Рошей. «Шпана самотечная» – известный в те поры московский «бренд» обтекал их, да, к счастью, не зацепил. По словам Леонидыча, все его дружки прошли через спецприемники, следы многих затерялись в местах весьма отдаленных. А его, вожака компании, словно кто-то отводил невидимой рукой от неминуемой беды. Ангел хранитель? – но тогда о нем ничего не знали. Правда, не знали – не значит, что не было ангела.

С войной (Юре не было девяти, Володе – трех) семья эвакуировалась в Вологодскую область, к родственникам отца. В пути поезд разбомбили. Все, кто мог, бросились в лес, а после налета матери рядом не оказалось. Чудом

братья набрали на какую-то деревню. Чужая женщина приютила детей, накормила, уложила спать. Утром повела ребят к поезду, вернее к тому, что от него осталось. А там и мама нашлась.

Однажды Юра увидел у матери небольшой, с ладонь, образок. Удивился: откуда? Ведь отец, убежденный атеист (да и должность обязывала), велел убрать из дома иконы, снять нательные крестики. Мама сберегла образок своей Покровительницы. То был список с Владимирской иконы Божией Матери, заступницы Москвы. Куда он делся потом, после смерти матери, никто не знает, а память о нем осталась. Я больше чем уверен, что *свою* икону Божией Матери, аналог Владимирской, Леонидыч посвятил светлой памяти своей мамы.

Впервые он соприкоснулся с иконописью в пятнадцать лет, когда еще был в художественном училище. Знакомая бабушка Феня, прислуживавшая в церкви на Каляевской, однажды принесла икону, спросила: не сможет ли подновить образ? С юношеской самоуверенностью, вспоминает Леонидыч, не задумываясь, ответил: конечно, смогу. Реставрация, по мнению юного художника, удалась. Однако на следующий день баба Феня вернула икону: настоятель недоволен, очень, мол, грубо подмалевано. Да как иначе: ведь работал только щетинной кистью, другой не было. Выручили друзья-студенты, одолжили колонковую. Отмыл вчерашнюю мазню и осторожно, не спеша, тонко прописал поврежденные места. Батюшка на сей раз работу принял, за труды заплатил аж сто пятьдесят рублей, на десятку больше стипендии! К чести молодого художника, он не поддался искушению легким заработком.

Долг и совесть. Эти понятия у него никогда не враждовали. Не искал легких путей, не цеплялся за должность, какой бы хлебной она ни была. Уже в зрелые годы, пройдя все ступени профессиональной лестницы, стал главным художником крупного издательства, но отнесся к назначению спокойно. Две причины назвал сам: работы никогда не боялся и привлекал масштаб. О третьей причине я догадывался, но спрашивать не стал. Знал: все равно не ответит. А она, как мне кажется, состояла в том, что Леонидыч по-

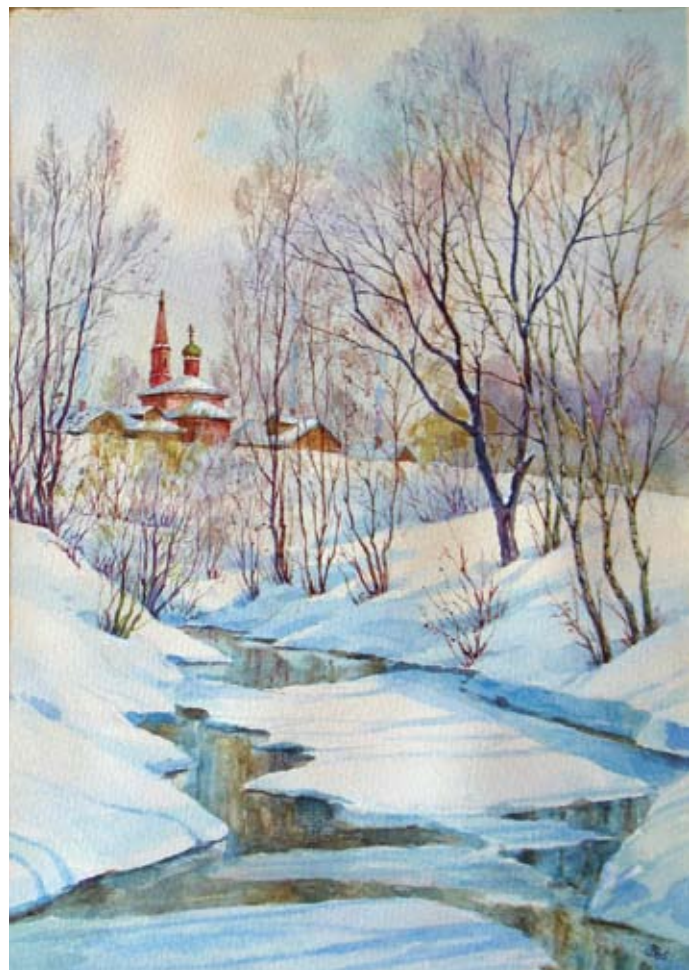
нимал, что занимает должность по праву. Лично я, например, ничего дурного не вижу, если человек знает себе цену. Другое дело – не следует этим кичиться. Но Леонидычу, знаю, такое никогда не грозило.

Надолго задержаться в должности главного не случилось. План издательства, как вообще любой советский план, был сверхнапряженным. Причем высоких идейных и художественных требований никто не отменял. А под каждым из четырехсот проектов должна быть утверждающая подпись главного художника. С первого раза принять хотя бы один проект, например подписать книгу «В свет», не получалось... со всеми вытекающими эмоциями авторов, редакторов и оргводами директората. Довольно скоро уяснив, что престижное кресло не для него, Леонидыч пересел в более скромное, в журнале. А вскоре и вовсе уехал на время в Болгарию.

Чем руководствовался мой товарищ, ступая на новый для себя творческий путь иконописца, мне так и не удалось до конца узнать, да и нужно ли это? Творчество и без того сродни молитве, а если еще дерзнул приступить к святому, лучше обойтись без лишних вопросов. Интуиция ли, движение ли души – но, выбрав для своей кисти несколько святых образов, он просто и убедительно выразил себя как художник – со своим уровнем мастерства, здоровой нравственной философией, человеческой искренностью. И перед этим его подвигом я склоняю голову.

И еще один, заключительный штришок. Леонидыч – заядлый

зимний рыбак. Однажды, в последний день марта, оказались мы на небольшой речке под Калязиным. Клева не было, так как солнце пекло нещадно, на небе ни облачка. Решили сматывать удочки. Перекусили на льду, отметили какой-то мой юбилей и направились в сторону шоссе. Я сразу выбрался на берег, а Леонидыч все шел по речке, дырявил лед в надежде хоть что-нибудь поймать и не заметил полыньи, занесенной снегом. Спешу на подмогу, протягиваю коловорот, а он стоит по пояс в воде во всей своей величавой красоте, словно лесковский странник, смотрит куда-то вперед и вверх. «Погоди-ка», – останавливает меня. Перехватываю его взгляд – впереди, на белоснежном берегу, небольшая церквушка словно силится дотянуться крестом, что на маковке, до голубого неба. Вот бы и нам так... Теперь о том чудесном моменте напоминает мне небольшой этюд, подаренный Леонидычем моей жене в день ее рождения. Нежная акварель в полутонах белого.

Елена Литвяк

У каждого была своя война

Когда дети пошли у нас один за другим, проявилась странная закономерность: чем гуще разрастается крона семейного родового древа, чем больше в ней свежих, зеленых веточек, тем глубже обнажаются его корни. С каждым новым ребенком обязательно открывается какая-то новая страница семейной хроники, причем из самой что ни на есть глубины, которую уже мало кто помнит. Являются судьбы двоюродных, троюродных прадедов и прапрадедов, от которых в семейной памяти осталось только имя, как в записке на помин души. Очередная младенческая улыбка под нашей крышей, как по волшебству, высвечивает красешек еще одной человеческой судьбы.

С рождением четвертого малыша, Феди, обнаружили концы давней истории с прадедовой библиотекой, которая своей неразгаданной тайной будоражила мое очень книжное детство. Мне всегда ужасно хотелось знать, что же за книжки были в том тайном узле, который на второй день войны прадед Игнат с сыном вынесли во двор и схоронили от немцев, поскольку те стремительно приближались к нашей тихой Орше.

Нет уже на земле Игнатия Евсеича Кудрявцева, нет и Женьки, его младшего сына, Евгения Игнатьевича, брата моей любимой бабушки Оли. И бабушки тоже нет. Только обрывки их разговоров, слышанных когда-то, теперь уже очень давно, сплетаются неровными кусками в одну длинную узловатую нить. Конечно, все они, дорогие сердцу есть – там, куда и нам предлежит путь и где мы наконец-то обо всем спросим и узнаем из первых уст. Но пока та давнишняя тайна так и остается – тайной.

На память о ней в нашем домашнем архиве два черно-белых снимка. На первом – молодой человек в белоснежной рубашке с крахмальным стоячим воротником, год 1912. А на обороте второго надпись: «Хорошей маленькой девочке Галочке Дед Мороз несет подарки к Новому году! Будь умницей, всегда слушай маму и папу. Тетя Вера. Декабрь 1949 года». Это черно-белая фотографическая немецкая открытка. С совершенно еще довоенным, а может быть даже и дореволюционным, святителем Николаем на снежной улице аккуратной альпийской деревушки. Зачем, интересно, тетя Вера сохранила ее, вернувшись из немецкого плена? Галочка – это моя мама, ей в срок девятом было четыре года. А молодой человек в рамке из твердого картона – ее дедушка, тети-Верин отец, мой прадед Игнатий Евсеич Кудрявцев. История, которая связывает эти две маленькие карточки, растянулась почти на полвека.

Игнатий Евсеевич Кудрявцев. 1912 год

В 1912 году прадед Игнат служил учителем в маленькой белорусской деревне, и у него был полный Брокгауз и Ефрон, все 86 томов. В отрочестве, когда я узнала, что это значит – «Брокгауз и Ефрон», у меня начинала кружиться голова всякий раз, как я представляла эти сокровища в мраморных картонных обложках, сгнившие во дворе прадедушкиного оршанского дома. А ведь это была только малая часть его библиотеки. Там наверняка были и толстые подборки «Нивы» с иллюстрированными приложениями, и многотомные научные труды, и нотные сборники: дед Игнат прекрасно играл на скрипке. Говорили еще, будто он служил в императорской армии, но это как-то совершенно не вязалось в моем сознании с его крохотным статским обликом молодого человека в высоком целлулоидном воротничке и визитке, каким он глядел с плотного картона фотокарточки десятых годов, «хорошие снимки при любой погоде, негативы сохраняются». Хотя спина у него, и правда, была прямая, как у военных людей.

В июне сорок первого в Орше жара стояла страшная, лопата с трудом вгрызалась в каменную потрескавшуюся землю. Скоро уставший дед Игнат сидел в холодке под яблоней, вытирая с лица крупные капли пота аккуратной сложенным вчетверо клетчатый платком. А Женька в мальчишеском азарте упрямо долбил сухую земляную корку, выгребая и откидывая ее пригоршнями, освобождая побольше места для спасительного убежища. Он, как отец, был книголюб и не собиравший оставлять такое богатство немцам. Женька оборачивал книги кухонной клеенкой, перетягивал шпагатом и

опускал в земляную могилу. Город заметно опустел, начальство уехало, но Кудрявцевым, как и почти всем жителям Орши, бежать было некуда. И они остались.

Когда все было кончено, дед унес лопаты в сарай, а Женька помчался на площадь, не забыв отряхнуть колени от налипшей земли: вдруг встретит знакомую девочку из школы? Ветер перекатывал по пыльным улицам обрывки серой оберточной бумаги, все магазины стояли настежь. Люди несли домой кто что успел схватить. Женька рванул в лавочку на углу и тоже набил карманы штанов и кепку спичечными коробками и почему-то нитками. Видимо, эти разноцветные катушки предполагалось выменивать на еду, когда кончатся запасы. Не знаю, что уж они выменяли, но скоро стало совсем худо.

Немцы явились 16 июля, тархтя своими мотоциклами. Вместе с полициями из местных они ходили по дворам и шарили жадными глазами. Всюду ревели уводимые коровы, голосили хозяйки. Пришли и к ним. Женька первым бросился в хлев, как будто можно было этим изменить печальный жребий. «Пожалуйста, ну пожалуйста», – упрашивал он рослого белобрысого Витьку Козыря, как его все звали на улице, вцепившись в лохматую веревку в его руке. Другой конец веревки был уже обмотан вокруг коровьей шеи. Зорька протяжно мычала, нервно переступая ногами, чувствовала чужого в хлеву. Женька целовал ее шершавую морду и подрагивающее ухо и плакал не таясь. Зорька была его любимица, он сам гонял ее пастись. Это была его обязанность. «Ишь ты какой!» – усмехнулся Витька, и веревка как-то нерешительно обмякла в огромном кулаке. Искра надежды вдруг загорелась в Женькином сердце. Но тотчас же и потухла. Он потянул было веревку к себе, но получил такой удар, что отлетел к стенке.

В центре города немцы открыли комендатуру, на окраине устроили еврейское гетто. Тащили все, что хотелось, из разоренных домов местных жителей, но спокойной и сытой жизни у них не получилось. За городом и в городе часто вспыхивали пожары. «Партизанен!» – кричали в ужасе часовые и прорезывали автоматными очередями мертвые ночные улицы. На площади поставили виселицу. Партизаны взрывали по ночам склады с оружием, минировали дороги, пускали под откос эшелоны, шедшие с веселыми немецкими парнями на Москву. Где-то там, в этой страшной ночи, бродил другой мой двоюродный дед, девятнадцатилетний партизан Валя, старший брат Женьки. Сколько раз его могли убить, но Господь хранил. Однажды вечером Ва-

лентин забежал ненадолго домой, а попал в облаву. Прадед Игнатий едва успел схоронить сынка в подполе (он до сих пор жив еще, тот подпол в том доме), как вошел немецкий патруль. Прабабушка Катя угощала проклятых гостей картошкой и самогонкой, а дверь подпола была как раз под домотканым ковриком у стола. И Валька, конечно, слышал, как топотали у него над головой солдаты, как гоготал и ругался Витька Козырь, отсидевший перед войной за драку с поножовщиной. Что он тогда передумал в сырой теми картофельного подвала, Бог весть. Молился ли тому самому Богу? Вряд ли. Ведь он был комсомольцем первых пятилеток. Но Витька-полицай, который знал, что Валентин иногда приходит из отряда домой, смолчал, почему-то не стал проверять подпол. Может, корова ему вспомнилась и слезы Валькиного младшего брата? А может, ангел по молитвам прабабушки Кати закрыл ему рот огненным мечом?

Корова, конечно, вовсе была не лишней в семье из пяти ртов. Шестой рот – бабушка Оля, мамина мама, Лелька, самая старшая дочка прадеда, в свои двадцать считалась уже совсем взрослой и жила отдельно в Ленинграде и даже работала там на химическом заводе по распределению после техникума. Каждый день она приносила к черной тарелке репродуктора в заводском общежитии и очень переживала за своих. Лелька еще не знала, что у нее тоже будет своя война. Ей достанутся ночные бомбежки Питера и дежурства на крыше, где она будет умирать от страха, хватая брезентовыми рукавицами «зажигалку», сброшенную с немецкого самолета. Веселая круглощечная хохотушка, любившая нарядные платья, моя юная бабушка, как и все ленинградцы, наматывает на себя какое-то немислимое тряпье, чтобы согреться зимой в ледяном доме. Много недель и месяцев каждый день на обед у нее будет только мокрый кусок хлеба и жидкий чай. А к нему изредка серый, с черными крупинками, кусочек сахара. Когда в самом начале блокады, осенью срок первого, немцы разбомбили Бадаевские продовольственные склады, ленинградцы ходили туда и собирали оплавленный огнем сахар, вернее землю, перемешанную с сахаром. И ели эту сладкую землю. Смерть будет ходить за Лелькой по пятам и гладить костлявой ладонью по голове, а она будет делить на части случайно доставшуюся по карточкам конфетку так, чтобы хватило на несколько дней.

Но Господь уберезит и Лелю. С открытием ледовой Дороги жизни ее, как и многих, вывезут на грузовике по замерзшей Ладоге в тыл, навстречу судьбе – моему юному дедушке, двадцатичетырехлетнему гвардии майору. И через два года у них родится моя мама. Главной бабушкиной заботой во всей последующей мирной жизни

будет непременно накормить, в том числе и нас, внуков. Мы, дураки, капризничали и отказывались, а бабушка все подкармливала и подкармливала нас. Она-то очень хорошо знала, как это важно – быть сытым. О судьбе своих родителей, Игнатия и Екатерины, о братьях Вале и Жене и о сестре Вере моя бабушка узнает только через четыре года, из помятого «треугольника», исписанного синим химическим карандашом. Они найдутся в горах Шварцвальда, в юго-западной Германии. А вообще-то они должны были стореть в сорок третьем году в печах Майданека за партизанство деда Вали.

Кто-то все-таки донес о партизанской семье. Облавы ничего не давали, партизаны растворялись в воздухе. Тогда решили взяться за их родных. Увидев в окно, как солдаты идут к дому, Женька юркнул все в тот же спасительный подпол, и его не нашли. Забрали прадеда, прабабушку и шестнадцатилетнюю красавицу Веру. Ведут их на сборный пункт у комендатуры, а Вера и говорит охране на своем школьном немецком: так, мол, и так, герр офицер, у нас дома младший братик остался, разрешьте вернуться забрать? «Ну зачем, зачем она это сказала?» – думала я, узнав об этой истории. Может быть, решила – отпустят, а она заберет Женьку и пойдет в отряд к старшему брату. Не тут-то было. Приказ командования был исполнен с истинно немецкой аккуратностью: вернулись, перевернули дом, нашли Женьку и увели теперь уже всех, разрешив взять только по маленькому узелочку. Загнали их в товарный вагон и повезли в Польшу. На окраине старинного польского города Люблина немцы устроили концлагерь. И поезд шел именно туда.

Когда еще подъезжали, прадед обратил внимание на неприятный сладковатый запах. Так пахли страшные печи, которые топили человеческими телами. Немцы сжигали там евреев и тех, кто уже не мог работать в лагере от истощения. Прадеду и всем остальным предстояло шагнуть в этот ад. С узелочками в руках. Построили, повели в ворота, пока еще всю семью вместе. Там было что-то вроде конторы. Немец в очках проверял списки, выкликая фамилии. Мужчины направо, женщины налево, а Кудрявцевы все стоят кучкой. И вот тут я готова похвалить пресловутый немецкий ordnung, прокля-

тую бюрократию, оказавшуюся спасительной. Потерялись документы. Бумажки на всю семью Кудрявцевых. А раз нет в списках – стало быть, и в лагере нечего делать. Кругом марш! Так они оказались на западе Германии, возле Карлсруэ. Рыли окопы на линии Мажино, было холодно, голодно, без конца болели, но как-то выдержали, питаясь подножным кормом. Однажды Женька насобирав целую корзину лесной малины и понес продавать местным мальчишкам, но получил за нее только маленькую булочку, которую разделили на всех.

Потом их отправили на сахарную фабрику в Эрфенштайне. Место там сказочное: деревня на берегу небольшой горной речушки, на вершине соседней горы полуразрушенный средневековый замок, вдоль реки фабричная одноколейка. И тишина, покой. Здесь им достались добрые хозяева, платили за работу небольшое жалованье, а по воскресеньям даже отпускали в пивную. Дед Женя не раз за столом на семейных праздниках, смеясь, вспоминал, как он там выпил свою первую кружку. И, кстати, очень хорошо научился говорить по-немецки. Это уже был самый конец войны, когда союзники бомбили Дрезден, а наши подходили к Берлину и все, в общем, уже понимали, чем дело кончится. За тетей Верой ухаживал какой-то немец, но она не хотела оставаться в Германии и вернулась со всеми домой. Родина ждала своих героев – распростертыми объятиями людей в погонах МГБ. Если бы не героическое партизанское прошлое деда Вали, который вынес четыре года оккупации и остался-таки жив, неизвестно, где оказались бы все Кудрявцевы и как пополнился бы список трагических потерь нашего рода. Но они опять были вместе, после войны к ним присоединилась и Леля с мужем и маленькой дочкой, моей мамой. Старый оршанский дом каждое лето гудел молодыми голосами. Прадед и прабабушка прирастали внуками. Жизнь продолжалась.

Моя мама и взрослые Кудрявцевы. 1950-е годы

Татьяна Кольян

Имя Михаила Юрьевича Лермонтова овеяно не только вечной и всемирной славой. На нем лежит и тень некоего мистицизма. Трагическая и ранняя гибель, особенности характера, совпадения каких-то жизненных событий плюс склонность людей к конспирологическим изысканиям – все это часто провоцирует создание сомнительной достоверности мифов.

Был ли дед великого поэта самоубийцей?

Церковь Михаила Архангела

В лермонтоведении утвердилось мнение, что дед М.Ю. Лермонтова Михаил Васильевич Арсеньев был самоубийцей. Впервые об этом написал профессор Дерптского университета П.А. Висковатов в книге «М.Ю. Лермонтов. Жизнь и творчество», изданной в 1891 г.

П.А. Висковатов писал: «...В 1881 году, в Тарханах, мне сообщали старожилы разные вариации смерти Арсеньева. Говорили, между прочим, что в Тарханах съехавшиеся на святках гости задумали рядиться. Ряженные собрались в зале, но вдруг, среди общего веселья, заметили, что одного из кавалеров недостает. Пошли отыскивать его в мужскую уборную и наткнулись на Михаила Васильевича, лежавшего мертвым на полу, в костюме и маске. Говорили, что он умер от удара».

К версии о самоубийстве М.В. Арсеньева П.А. Висковатов пришел сам на основании воспоминаний восьмидесятилетней старухи, бывшей дворовой девчонки Арсеньевых, которая помнила, что «барин с барыней побранились. Гости в доме, а барин все на крыльцо выбегали. Барыня сержалась. А тут барин пошел к заступом к гостям и очень жалостно говорили, а потом ушли к шкафчику да там выпили, а там нашли их в уборной [гардеробной] помершими. Барыня очень убивались».

Хотя, заметим, бывшая служанка Арсеньевых, судя по рассказу П.А. Висковатова, прямо об отравлении барина не говорила. Может быть, в шкафчике был не яд, а лекарство, которое выпил Михаил Васильевич. Но Павел Александрович сделал вывод: «Пришедшие затем гости нашли его отравившимся».

Заметим также, что со дня смерти М.В. Арсеньева к тому времени прошло уже с лишком 70 лет, и большинство очевидцев того маскарада давно находились в ином мире. Поэтому события роковой даты П.А. Висковатову поневоле пришлось воссоздавать исходя из собственных соображений.

Причину самоубийства, по мнению П.А. Висковатова, была несчастливой семейная жизнь и, как следствие этого, увлечение Михаила Васильевича некой соседкой Мансыревой. «Хотя старушка Арсеньева впоследствии охотно говорила о счастливым своем супружестве, – писал он, – но в действительности сравнительно молодой муж чувствовал себя, кажется, не вполне счастливым с властолюбивой женой. Он увлекся соседкой помещицей, княгиней или даже княжной, Ман<сыр>евой».

О Мансыревой П.А. Висковатов услышал «от близких к семье Ман<сырев>ых людей». Эта Мансырева в ту злополучную ночь якобы не доехала до Тархан, так как ее встретили «доверенные люди» Е.А. Арсеньевой «с какою-то энергической угрозой». Это будто бы из-за нее барин все время выбежал на крыльцо, а барыня «сержалась».

Не будем более останавливаться на теме увлечения М.В. Арсеньева Н.М. Мансыревой, так как здесь тоже много вопросов и мало ответов. Главное, никаких документальных свидетельств о причине смерти М.В. Арсеньева П.А. Висковатов не имел и базировал свою версию о самоубийстве исключительно на слухах и предположениях. Но его версию подхватил чембарский краевед П.К. Шугаев (1890-е гг.), который, также на основании слухов и домыслов, расцвел ее новыми подробностями и даже приписал Е.А. Арсеньевой слова, якобы сказанные над неостывшим телом мужа: «Собаке собачья смерть».

Московский лермонтовед Д.А. Алексеев в 2008 г., пожалуй, первым в печати подверг сомнению легенду о самоубийстве М.В. Арсеньева. В статье «Легенда о самоубийстве М.В. Арсеньева (Генезис мифа)» он пишет: «В объяснении причин скоропостижной смерти Михаила Васильевича 2 января 1810 г. давно уже нет оговорок “предположительно”, “возможно” и “вероятно”, а утверждается де-факто – покончил жизнь самоубийством, хотя де-юре ни

каких документальных аутентичных [подлинных] оснований для такого категорического заключения не существует и до сих пор не найдено. И, добавим, не будет найдено...» (Вопросы биографии М.Ю. Лермонтова. № 3. М. – Воронеж, 2008).

Историей деда М.Ю. Лермонтова заинтересовался и пензенский краевед А.В. Волков. Так же, как и Д.А. Алексеев, он решил, что в архиве неизбежно должны остаться сведения о смерти Михаила Васильевича, и именно в пензенском архиве, так как М.В. Арсеньев скончался при исполнении выборной должности чембарского уездного предводителя дворянства. А.В. Волков изучил документы фонда Пензенского дворянского депутатского собрания в Государственном архиве Пензенской области (ГАПО) и пришел к выводу, что Арсеньев, выйдя после женитьбы в отставку с военной службы, довольно быстро приобрел известность и авторитет среди пензенского дворянства, что ему, как «чужаку» (Арсеньевы – орловские дворяне), было не так-то просто. Уже в 1807 г. он занял второе место на выборах в губернский предводитель дворянства (среди 200 баллотировавшихся), уступив несколько баллов только бывшему губернскому предводителю, оставленному на второй срок, и стал предводителем дворян Чембарского уезда. В будущем его ждала успешная общественная карьера.

А.В. Волков пишет, что автографы Михаила Васильевича на документах, связанных с деятельностью чембарского уездного дворянства, говорят об Арсеньеве «как человеке открытому и решительном, амбициозном и стремящемся изменить свое положение в обществе, повысить свой общественный статус. <...> Поэтому его неожиданная смерть в новогоднюю ночь с 1 на 2 января 1810 г. вызывает много вопросов, а версия о его якобы самоубийстве на почве любви к Н.М. Мансыревой выглядит неубедительной» (А.В. Волков. Новые находки в лермонтоведении //

Улица Московская, 17 июня 2011 г.; Чембарский предводитель М.В. Арсеньев // ж. «Сура», № 5, 2011).

Позднее А.В. Волков нашел в ГАПО документ следующего содержания: «По указу Его Императорского Величества Пензенское губернское правление слушали доношение Чембарской дворянской опеки, что чембарской уездной дворянства предводитель гвардии поручик Михайла Арсеньев сего генваря 2-го числа умер». И далее — о назначении на должность чембарского предводителя — до следующих выборов — коллежского ассессора И.А. Тархова. Документ подписан должностными лицами 12 января 1810 г. Первой стоит подпись пензенского губернатора: «Александр Крыжановский читал» (А.В. Волков. Тайна смерти М.В. Арсеньева // Сура, № 5, 2012).

Этот документ — просто констатация факта смерти М.В. Арсеньева. Но тем он и ценен, что не выбивается из ряда других документов о смерти чиновников и не дает повода подозревать Арсеньева в самоубийстве.

Дело о самоубийстве М.В. Арсеньева ни по гражданскому, ни по церковному ведомству при всем старании А.В. Волкова и некоторых других исследователей до сих пор не найдено. Отсюда возникает вопрос: а был ли дед М.Ю. Лермонтова самоубийцей? Может быть, Михаил Васильевич действительно «умер скоропостижно среди семейного бала или маскарада», как написал в своих воспоминаниях учитель юного Лермонтова А.З. Зиновьев, знавший «главные обстоятельства» жизни Е.А. Арсеньевой со слов самой Елизаветы Алексеевны?

С легкого пера П.А. Висковатова Е.А. Арсеньеву принято обвинять в семейном деспотизме, а ее мужа представлять ее жертвой. Но давайте прислушаемся к свидетельствам самой Елизаветы Алексеевны, которая, не подозревая о своей славе (как бабушки М.Ю. Лермонтова) в будущих поколениях, о своем муже и его отношении к ней говорила и писала только хорошее. «Я могу говорить о счастье, — обмолвилась она однажды в разговоре в доме Гельмерсенов. — Я была немолода, некрасива, когда вышла замуж, а муж меня баловал... Я до конца была счастлива».

Эти слова подтверждаются духовным завещанием Е.А. Арсеньевой, написанным в 1807 г. во время ее болезни. В случае своей смерти она, «чувствуя слабость своего здоровья», завещала Тарханы в равных долях дочери и мужу, — «будучи с признательностью за горячую любовь его ко мне и беспримерное супружеское уважение». А потом, когда родился их внук в 1814 г., именно Елизавета Алексеевна настояла, чтобы его назвали в честь деда — Михаилом. Отец Лермонтова, Юрий Петрович, хотел, чтобы его первенец был Петром. Еще позднее, глядя на своего выросшего «Мишиньку», Елизавета Алексеевна с удовольствием сравнивала его с покойным мужем; в письме к приятельнице П.А. Крю-

Тарханы. Внутренний вид часовни-усыпальницы Арсеньевых — Лермонтовых. С правой стороны за памятником М.Ю. Лермонтову находится памятник его деду

ковой она сообщала: «Нрав его и свойства совершенно Михаила Васильевича, дай Боже, чтобы добродетель и ум его был».

Похоже, она и не подозревала, что муж ее — «самоубийца». Могла ли эта религиозная женщина называть мужа добродетельным и умным, если бы он на самом деле был самоубийцей? Не верится. Не верится также, что над его телом она могла сказать: «Собаке собачья смерть».

Однако в пользу самоубийства М.В. Арсеньева некоторые исследователи приводят факт отсутствия записи о смерти Михаила Васильевича в метрической книге тарханской церкви за 1810 г. Как известно, самоубийц не отпевали и не хоронили внутри церковной ограды.

В музее-заповеднике «Тарханы» хранятся семь толстых книг церковных (исповедных и метрических) ведомостей, охватывающих в общей сложности, правда с пробелами, период с 1803 по 1862 г. Кроме Тархан к местному приходу относились в разное время еще три или четыре помещичьи деревни.

При чтении тарханских церковных (даже исповедных) ведомостей начала XIX века складывается впечатление, что никто из местных помещиков (примерно до 1815 г.) в своих имениях не жил. (Хотя, судя по документам, обнаруженным А.В. Волковым, М.В. Арсеньев начал баллотироваться на дворянских выборах уже с 1801 г.). Информации о помещиках практически нет никакой, за исключением перечня их дворовых и крепостных людей. А вот в крепостном сословии фиксировались все бывшие на исповеди, все родившиеся и умершие. Возможно, это было

спецификой времени. Учет крепостных душ был необходим, так как на основании церковных ведомостей составлялись ревизские сказки. Иное дело дворянские души.

Не ругаемся за всю Россию, но в Тарханах доходило до курьеза. Например, в метрической книге тарханской церкви, в ведомости о родившихся за 1834 г., между августом и сентябрем вдруг вклинилась запись о рождении троюродного брата М.Ю. Лермонтова: «1829-го года в апреле девятнадцатого числа [сельца] Апалихи отставного штабс-капитана Павла Петровича Шангирей и законной жены его Марьи Екимовны родился сын Николай. А что он в сей метрике ныне записан, то это потому, что 1829-го года в метриках он был пропущен и не записан».

Не правда ли, прекрасное объяснение! Отчего могли происходить такие метрические пропуски: из-за недостаточной требовательности к ведению ведомостей епархиального начальства того времени или из-за нерадивости тарханского церковного причта? Не нам судить.

Так или иначе, Михаил Васильевич в ведомости об умерших в 1810 г. тоже по каким-то причинам был «не записан». «Пропущена и не записана» в метриках оказалась и его дочь, М.М. Лермонтова, умершая в Тарханах от чахотки в 1817 г.

Однако бесспорным доказательством православного погребения М.В. Арсеньева является его сохранившаяся могила и мемориальный памятник с крестом. Михаил Васильевич был погребен в Тарханах возле алтарной стены первой деревянной церкви Николая Чудотворца¹.

В заключение сошлемся еще на один загадочный документ, на который обратили внимание сначала Д.А. Алексеев, а вслед за ним и А.В. Волков.

В книге «Дворянское сословие Тульской губернии. Т. VII (XVI). Некрополь» (Составитель В.И. Чернопяттов. М., 1912. С. 8) об Арсеньеве сообщается: «Михаил Вас. р. 8 ноября 1768, Чембарск. уезда, предв. двор., умер 2 янв. 1810, погр. в с. Васильевском Елецк. у.». Прочитав этот документ, А.В. Волков пишет: «Зная историю перевоза тела М.Ю. Лермонтова из Пятигорска в Тарханы, можно с уверенностью предположить, что и тело супруга Е.А. Арсеньева перевезла позже в свое пензенское имение. Дело осталось за малым: найти в архивах Тульской или Липецкой областей метрические книги Елецкого уезда, обнаружить в них запись о смерти М.В. Арсеньева и поставить наконец точку в затянувшейся на 200 лет истории таинственной кончины чембарского предводителя дворянства, гвардии поручика М.В. Арсеньева» (Сура, № 5, 2012. С. 107).

Так был ли дед М.Ю. Лермонтова самоубийцей? Думается, что нет. Не был.

¹ Подробно о церквях в Тарханах см. публикацию в предыдущем номере «Лампады».

Сильнее смерти! В.П. Астафьев на московской сцене

Нас приглашают в зал позывными Советского Информбюро. Гаснет свет, и зрителя погружают в атмосферу бомбежки и пулеметных очередей. На белом полотне – кадры военной кинохроники. Но вот полотно исчезает, и в обрушившейся тишине раздается счет получающего наркоз: четыре, пять, шесть... двадцать... двадцать восемь... Звук отдаляется и замирает. Перед нами больничная палата, в ней оказывается только что прооперированный солдат. Вокруг раненые бойцы, которые приходят в себя после войны: тайком курево и спиртик из грелки, народные шутки-прибаутки, кокетство с медсестрами...

А по ночам в палате появляется Смерть. В исполнении Светланы Американцевой эта женщина мудра и примитивна, вульгарна и утонченна, видимо, позаимствовала многое у тех, с кем имела дело. Рядом с ней глубинным смыслом начинают наполняться самые обычные события, предметы, явления. Вот умирающий солдат из крестьян вспоминает, что был пахарем, чей труд – в вечном возрождении жизни и уничтожении смерти. Именно таков он в изображении

Павла Суетина. Символом самой жизни и любви становится молоденькая медсестра Лида (трогательно сыгранная Виталиной Отрадновой), не отдающая Смерти того самого толь-

Сцена из спектакля. Смерть – Светлана Американцева, Миша – Андрей Безымянный, Лида – Виталина Отраднова

Сложно подсчитать, сколько раз за 70 лет, прошедших со Дня Победы, искусство возвращалось к Великой Отечественной войне. Вот и премьера Московского историко-этнографического театра «Звездопад», поставленная Михаилом Мизюковым по произведениям Виктора Петровича Астафьева, посвящена этой вечно живой для нас теме.

ко что прооперированного молодого бойца Мишу и заставляющая Смерть недоуменно произнести: «Неужели любовь действительно сильнее смерти?».

На сцене сталкиваются реализм и сюрреализм. В соединении конкретной исторической ситуации войны и обычных разговоров раненых солдат возникает множество философских смыслов, усиленных пронзительной музыкой Рахманинова. И порой уже становится неважно, о чем говорят на сцене. Важны чувства, стоящие за этим: любовь, горечь приближающейся разлуки, нежелание причинить боль другому, сомнения: стоит ли любить, если впереди расставание? Тем более что идет война и неизвестно, вернется ли назад твой любимый. Обо всем этом напоминает и умудренная житейским опытом мама Лиды, проникновенно сыгранная Светланой Щегольковой. И недаром Смерть сопровождает влюбленных до самого конца, а потом уходит на фронт вместе с Михаилом (которого трепетно сыграл дебютант театра Андрей Безымянный).

Но на помощь любви приходят в финальном монологе героини надежда и вера. В нем просьба сохранить и вернуть любимого, что бы с ним ни случилось, каким бы он ни оказался, и благодарность за то, что состоялась их встреча, и готовность жить дальше несмотря ни на что. Ведь жизнь невозможно победить.

Александр Варанутин

ЛАМПАДА

В вашем доме

Подпишитесь на журнал для тех, кто стремится к Истине

ИЗДАНИЕ ХРАМА

ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ «ЗНАМЕНИЕ» В ХОВРИНЕ

Узнать о свежем номере и познакомиться с архивом журнала можно

на нашем сайте lampada-press.ru

или на сайте храма www.znamenie-hovrino.ru

Одобрено Синодальным информационным отделом Московского Патриархата
(Свидетельство № 228 от 10 декабря 2012 г.)

**НА 2015 ГОД ВЫПИСАТЬ «ЛАМПАДУ» МОЖНО
ТОЛЬКО ЧЕРЕЗ РЕДАКЦИЮ**

«ЛАМПАДА» продается в книжных лавках московских храмов:

Благовещения Пресвятой Богородицы в Петровском парке	апостола Иоанна Богослова в Бронной слободе
Анастасии Узорешительницы в Теплом Стане	свт. Климента, папы Римского
св. мц. Татианы при МГУ	Успения Божией Матери в Казачьей слободе
Воскресения Словущего на Успенском Вражке	Книжный магазин «Книжница» Дома русского зарубежья
Воскресения Христова в Сокольниках	Новомучеников и исповедников Российских в Строгине
Всех Святых б. Ново-Алексеевского монастыря	Всех святых во Всехсвятском
вмч. Георгия Победоносца в Коптеве	Всемиловитого Спаса в Митине. Патриаршее подворье
Иверской иконы Божией Матери на Всполье	Рождества Христова в селе Рождествено (Митино)
иконы Божией Матери «Знамение» за Петровскими воротами	Преображения Господня в Тушине
Новоспаский ставропигиальный мужской монастырь	Иконы Божией Матери «Знамение» в Аксиньине
прп. Алексия, человека Божия, б. Ново-Алексеевского монастыря	Прп. Сергия Радонежского в Бусинове
Рождества Пресвятой Богородицы в Крылатском	Троицы Живоначальной при бывшей Черкасской богадельне, патриаршее подворье
Троицы Живоначальной в Хорошеве	прп. Алексия, человека Божия в Крылатском
Троицы Живоначальной в Хохлах	Богоявленский кафедральный собор в Елохове
Троицы Живоначальной в Орехове-Борисове	Казанской иконы Божией Матери в Коломенском
Покрова Пресвятой Богородицы в Измайлове	Свято-Данилов ставропигиальный мужской монастырь
Сошествия Святого Духа на б. Лазаревском кладбище	Донской ставропигиальный мужской монастырь
Спаса Нерукотворного Образа в селе Котово	Воздвижения Креста Господня в Алтуфьеве
Сретенский ставропигиальный мужской монастырь	св. ап. Иоанна Богослова «под Вязом»
Тихвинской иконы Божией Матери в Алексеевском	Воскресения Христова в Кадашах
Успения Пресвятой Богородицы на Успенском Вражке	свт. Иннокентия, митр. Московского в Бескудникове
царевича Димитрия при Голицынской больнице	прп. Сергия Радонежского
Троицы Живоначальной в Останкине	в Крапивниках
свв. апп. Петра и Павла на Новой Басманной	

ISSN 2225-0271

